

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Факультет: Исторический
Выпускающая кафедра: Всеобщей истории

Горобец Андрей Сергеевич

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Тема: ОТНОШЕНИЯ ЦЕРКОВНОЙ И СВЕТСКОЙ ВЛАСТЕЙ В СФЕРЕ
БОРЬБЫ С ЕРЕСЯМИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ XI–XIII ВВ.
(ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ В 6 КЛАССЕ)

Направление подготовки: 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя
профилями подготовки)

Направленность (профиль) образовательной программы: История и право

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой всеобщей истории,
кандидат исторических наук, доцент
Зберовская Е.Л.

ЕЛ 13.06.2023

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

кандидат исторических наук, доцент
Канаев А.Г.

13.06.2023 А.Г.

ОБУЧАЮЩИЙСЯ

студент группы ГО-Б18В-01
Горобец А.С.

13.06.2023 А.С.

Дата защиты _____

Оценка _____

Красноярск, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ВЗГЛЯДЫ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ ВЛАСТЕЙ И ИХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЕРЕСЯМ В ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНАХ	
1.1. Оформление и эволюция теории «двух мечей» и сакрализация статусов римского папы и светских правителей	13
1.2. Обоснование необходимости и эволюция мер борьбы с ересями	29
ГЛАВА 2. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДУХОВНОЙ И СВЕТСКОЙ ВЛАСТЕЙ В ПРОВЕДЕНИИ АНТИЕРЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	
2.1. Борьба с ересями как инструмент централизации власти папства и светских правителей (XI–XII вв.)	42
2.2. Развитие антиеретического законодательства в Европе в условиях противостояния пап и светских государей (XIII в.)	58
ГЛАВА 3. ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В 6 КЛАССЕ	
3.1. Обзор учебной и методической литературы	75
3.2. Методические приемы преподавания темы	86
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	89
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	92
ПРИЛОЖЕНИЯ	109

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы выпускной квалификационной работы обусловлена двумя аспектами: теоретическим, связанным с высоким интересом исследователей к изучению проблемы взаимоотношений между светской и духовной властями в различные исторические периоды, и методическим, связанным с необходимостью разработки эффективных способов преподавания данной темы в школьном курсе истории.

Актуальность теоретического аспекта исходит из высокого внимания исследователей к проблеме взаимоотношений государства и церкви в различные исторические эпохи в различных регионах. В данном случае исследовательский интерес вызывает законодательная поддержка государственной властью социального положения, устройства и адептов различных религиозных течений, выражающаяся даже в настоящее время, например, в законах об оскорблении религиозных чувств, действующих во многих современных государствах. Применительно к христианской религии, эта проблема получает актуальность уже с IV в., когда никейское христианство начинает занимать главенствующее положение среди других христианских течений и обретает статус ортодоксального. С этого периода становится важным вопрос о взаимоотношении Христианской церкви с оппозиционными учениями, которые были определены ею как еретические. В течение всей своей истории Церковь вела и продолжает вести борьбу с любым проявлением инакомыслия, что обусловлено самой ее сущностью как социального института – претензией на монополию в определении истинного вероучения и стремлением обеспечить эту монополию принуждением¹. При этом в прошлом функцию «защиты» главенствующей религии и ее церкви брала на себя светская власть, законодательно устанавливая меры по борьбе с религиозным инакомыслием.

¹ *Гараджа В.И.* Социология религии: Учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. М., 2007. С. 211–212.

Актуальность методического аспекта определяется требованиями, предъявляемыми нормативно-правовыми актами РФ к результатам освоения программы основного общего образования в рамках изучения учебного курса «Всеобщая история» в 6 классе. Согласно положениям Федерального закона (ФЗ) «Об образовании в РФ» задачи изучения истории на всех уровнях общего образования определяются Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС)². Принятый Министерством просвещения РФ в 2021 г. «Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования» (ФГОС ООО) утверждает ряд предметных, метапредметных и личностных результатов обучения, которые должны быть достигнуты обучающимися к завершению получения ими основного общего образования. Так, обновленный ФГОС ООО особенно выделяет предметные результаты по учебному курсу «Всеобщая история»: одним из обязательных для освоения тематических разделов является «Социально-экономическое и политическое развитие стран Европы в Средние века»³. Утвержденная Министерством просвещения РФ «Федеральная рабочая программа основного общего образования по истории» включает в обязательное содержание предмета в 6 классе такие темы, как «Борьба пап за независимость церкви от светской власти», «Ереси: причины возникновения и распространения», «Преследование еретиков»⁴. Утвержденный ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений» Кодификатор требований к результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования, проверяемых в рамках основного государственного экзамена (ОГЭ) по истории, конкретизирует содержание

² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 14.12.2022).

³ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027> (дата обращения: 14.12.2022).

⁴ Федеральная рабочая программа основного общего образования по истории [Электронный ресурс] // Сайт ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО». Единое содержание общего образования. С. 12. URL: https://edsoo.ru/Federalnaya_rabochaya_programma_osnovnogo_obschego_obrazovaniya_predmeta_Istoriya_.htm (дата обращения: 21.03.2023).

указанного тематического раздела, выделяя в качестве одной из возможных для проверки на экзамене тему «Светские правители и папы»⁵. В связи с указанными требованиями нормативно-правовых актов РФ возникает необходимость глубокой методической разработки данной темы с целью повышения эффективности ее преподавания педагогическими работниками и качества усвоения обучающимися на уровне основного общего образования.

Степень изученности проблематики исследования. Критическое изучение собственно антиеретического законодательства, как и в целом политики противодействия церкви и государства гетеродоксальным учениям, начинается еще в XIX в. Зарубежные и отечественные исследователи в данный период и до середины XX в. в основном рассматривали борьбу Церкви с ересями как ее чрезмерную защитную реакцию на угрозы с их стороны. Участие в этой борьбе светских властей объяснялось либо следствием их слабости перед могуществом папской власти⁶, либо равноправным союзом, в котором обе стороны осознавали свое верховенство в различных сферах общественной жизни, но все же единодушно стремились к совместной защите христианства⁷.

Статус и функции светской и духовной властей периода Средневековья и связанные с ними образы становятся предметом исследования историков начиная с XX в. Начало активному изучению феномена средневековой императорской и королевской власти и их восприятию в различных аспектах было положено исследованиями французского историка М. Блока⁸ и

⁵ Кодификатор проверяемых требований к результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования и элементов содержания для проведения основного государственного экзамена по истории [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений» (ФИПИ). URL: <https://fipi.ru/oge/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!tab/173801626-7> (дата обращения: 14.12.2022).

⁶ *Лангюа Ш.В.* Инквизиция / 2-е изд. М., 2010; *Ли Г.Ч.* История инквизиции в Средние века: в 2 т. / Под ред. С.Г. Лозинского; пер. с фр. А.В. Башкирова. СПб., 1911. Т. 1.; *Льоренте Х.А.* Критическая история испанской инквизиции. М., 1936. Т. 1.; *Осокин Н.А.* История альбигойцев и их времени. М., 2000.

⁷ *Bévenot M.* The Inquisition and Its Antecedents, II // *Heythrop Journal*. 1966. № 7 (4). P. 381–393.

⁸ *Блок М.* Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. В.А. Мильчиной; предисл. Ж. Ле Гоффа; науч. ред. и послесл. А.Я. Гуревича. М., 1998.

американского историка немецкого происхождения Э. Канторовича⁹. На примере биографии императора Священной Римской империи Фридриха II Э. Канторович реконструировал представления о функциях императорской власти в эпоху Высокого Средневековья, основу которых составляла претензия на верховенство в земных делах христианских подданных. В дальнейшем идеи исследователя воплотились в масштабном и детальном анализе представлений о королевской власти на рубеже Средних веков и раннего Нового времени, давшем мощный импульс развитию изучению политической теологии и процессов формирования сакрального статуса светских правителей.

Противовесом императорской и королевской власти являлась власть церковная, воплощенная в лице папы римского. В продолжение и развитие вектора исследований, заложенного Э. Канторовичем, феномен папской власти и ее восприятия был обстоятельно проанализирован итальянским историком А. Паравичини Бальяни¹⁰. На примере широкого спектра ритуалов, окружавших понтифика, он продемонстрировал процесс трансформации верховного руководителя христианской общины верующих в фигуру имперского и даже вселенского масштаба с соответствующими претензиями.

Историографический поворот в исследовании взаимоотношений светской и духовной властей в аспекте антиеретической борьбы был совершен в последней четверти XX в. британским историком Р.Я. Муром¹¹. В своих работах исследователь выдвигает оригинальную концепцию причин начала и распространения антиеретической политики в Западной Европе в период Высокого Средневековья, которые связываются преимущественно с выстраиванием централизованных структур управления как светскими

⁹ Канторович Э. Император Фридрих II / Пер. с нем. Л.В. Ланника и И.П. Стебловой, коммент. и послесл. Л.В. Ланника. СПб., 2022; *Он же*. Два тела короля. Исследования по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Сергиной. М., 2015.

¹⁰ Паравичини Бальяни А. Тело папы / Пер. О. Воскобойникова; послесл. К. Мефтахудинова, Ю. Сапрыкина-мл. М., 2021.

¹¹ Moore R.I. The Formation of a Persecuting Society: Authority and Deviance in Western Europe, 950–1250. Malden; Oxford; Carlton, 2007; *Id.* The War on Heresy. Cambridge, 2012.

правителями, так и Католической церковью. При этом, по мнению историка, ереси как объективное явление не существовали, а их конструирование связано с необходимостью властей подтвердить свою легитимность и установить контроль над обществом. Эта позиция в некоторых аспектах нашла продолжение в работах отечественного историка О.И. Тогоевой на примере создания светской властью концепта колдовства¹².

Американскому юристу и историку права Г.Дж. Берману¹³ принадлежит заслуга в определении предпосылок, причин и результатов формирования европейского права во взаимодействии и взаимопроникновении юрисдикций духовной и светской властей, в том числе в вопросе борьбы с еретическими учениями. Его концепция Папской революции XI в. отдает Католической церкви первенство в заслуге складывания европейской правовой системы, однако демонстрирует ее дальнейшее развитие благодаря постоянному конфликту между «двумя мечами».

Современные исследователи продолжают уделять повышенное внимание проблеме взаимодействия духовной и светской власти в деле борьбы с ересями. С сер. 1970-х гг. исследователи¹⁴ доказывают причину формирования мер по борьбе с ересями в отдельных государственных образованиях в связи с процессами противостояния друг другу светских и церковных властных элит.

Методические разработки данной темы для преподавания на уроках истории в 6 классе изданы рядом педагогов и методистов¹⁵. Общим для всех

¹² Тогоева О.И. Короли и ведьмы. Колдовство в политической культуре Западной Европы XII–XVII вв. М.; СПб., 2022.

¹³ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. Н.Р. Никоновой. М., 1998.

¹⁴ Bautier R.H. L'hérésie d'Orléans et le mouvement intellectuel au début du XIe siècle: documents et hypothèses // R.H. Bautier. Recherches sur l'histoire de la France médiévale: des Mérovingiens aux premiers Capétiens. Hampshire; Brookfield, 1991. P. 63–88; Diehl P.D. Henry VI, Heresy and the Extension of Imperial Power in Italy // Plenitude of Power. The Doctrines and Exercise of Authority in the Middle Ages: Essays in Memory of Robert Louis Benson / Ed. by R.C. Figueira. Farnham, 2006. P. 37–56; Smith D.J. Crusade, Heresy and Inquisition in the Lands of the Crown of Aragon (c. 1167–1276). Leiden; Boston: Brill, 2010.

¹⁵ Абрамов А.В., Абрамова Ю.А., Пьянов А.В. Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс: методическое пособие к учебнику М.В. Пономарева, А.В. Абрамова, С.В. Тырина. М., 2016; Ведюшкин В.А., Ведюшкина И.В. Всеобщая история. Средние века. Поурочные методические рекомендации. 6 класс:

местом является стремление авторов включить в урок максимум заданий, направленных на формирование не только предметных, но и метапредметных, а также личностных результатов обучения, установленных ФГОС ООО.

Объектом исследования выступают государственно-церковные отношения в Западной Европе в период XI–XIII вв.

Предметом исследования является совокупность правовых средств и методов, определяющих характер взаимоотношений светской и духовной властей в связи с проведением ими политики борьбы с еретическими движениями.

Целью выпускной квалификационной работы является характеристика взаимоотношений светской и духовной властей в Западной Европе в XI–XIII вв. в аспекте формирования антиеретического законодательства и проведения политики противодействия еретическим движениям.

Задачи исследования:

1. проследить процесс формирования и трансформации религиозно-политической теории о «двух мечях»;
2. определить истоки и процесс эволюции обоснования необходимости противостояния ересям в идеях христианских мыслителей;
3. исследовать процесс формирования мер по борьбе с ересями как способе установления светской и духовной властями своих юрисдикций;
4. провести контент-анализ содержания, приемов и способов освещения темы в основных учебниках всеобщей истории для 6 класса;

пособие для учителей общеобразоват. организаций. 2-е изд. М., 2017; *Игнатов А.В.* Всеобщая история. История Средних веков. Методические рекомендации. 6 класс (к учебнику В.А. Ведюшкина): пособие для учителей общеобразоват. учреждений / Рос. акад. наук, Рос. акад. образования, изд-во «Просвещение». М., 2012; *Он же.* Всеобщая история. История Средних веков. Методические рекомендации. 6 класс (к учебнику Е.В. Агибаловой, Г.М. Донского): пособие для учителей общеобразоват. организаций. 2-е изд. М., 2014; *Искровская Л.В., Варганова О.И., Гурьянова Ю.В.* История Средних веков: 6 класс: методическое пособие. М., 2018; *Стрелова О.Ю.* Всеобщая история. История Средних веков. 6 кл.: методическое пособие к учебнику А.В. Абрамова, В.А. Рогожкина, С.В. Тырина. М., 2018. 239 с.

5. разработать методические приемы и средства для возможности использования полученных результатов исследования в преподавании соответствующей темы в рамках курса всеобщей истории в 6 классе.

Хронологическими рамками исследования является период XI–XIII вв., что связано, во-первых, с необходимостью изучения данного временного отрезка в рамках соответствующей темы в курсе всеобщей истории в 6 классе. Во-вторых, в первой половине обозначенного периода (XI – XII вв.) на Западе началась и активно шла борьба за верховенство между светской и духовной властями, а также были сформированы первые нормы гражданского и церковного законодательства против ересей; конец обозначенного периода (вторая половина XIII в.) характеризуется кульминационным моментом в противостоянии церкви и государства, включающем в себя попытки папства сохранить достигнутое на рубеже XII–XIII вв. могущество и начало возвышения, сопровождаемое ростом суверенитизации, королевской власти. Обращение к более ранним (II–X вв.) или поздним (первая половина XIV в.) периодам ситуативно и требуется для выявления причин трансформации характера государственно-церковных отношений в XI–XIII вв.

Территориальные рамки охватывают ведущие государственные образования средневековой Западной Европы: Францию, Англию, Священную Римскую империю, Кастилию, Арагон, итальянские города-государства, Папскую область.

Источниковую базу выпускной квалификационной работы составили следующие группы источников.

I. Нормативно-правовые акты, регулирующие образовательный процесс в РФ, предъявляющие требования к результатам обучения и содержанию образовательных программ по истории на уровне основного общего образования.

II. Включенные Министерством просвещения РФ в федеральный перечень учебников¹⁶, допущенных к использованию в образовательных организациях до 2027 г., учебники по истории Средних веков для 6 класса следующих авторских коллективов: классический учебник Е.В. Агибаловой и Г.М. Донского¹⁷, учебник авторства ведущих отечественных историков-медиевистов М.А. Бойцова и Р.М. Шукурова¹⁸, учебник из новой линейки под общей редакцией В.Р. Мединского¹⁹, а также учебник историков В.А. Ведюшкина и В.И. Уколовой, допущенный к использованию до начала 2024/2025 учебного года²⁰.

III. Опубликованные исторические нарративные и документальные источники, объединенные в три группы:

1. источники средневекового канонического права: постановления Вселенских соборов Католической церкви; постановления поместных соборов Католической церкви; буллы и декреты римских понтификов; сборники канонического права;

2. источники гражданского законодательства Англии; Священной Римской империи; Франции; Испанских королевств; Итальянских городов-государств;

3. сочинения видных христианских мыслителей и религиозных деятелей, которые обосновывают характер взаимоотношений светской и духовной властей, а также необходимость и характер мер противодействия ересям.

¹⁶ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 21.09.2022 № 858 «Об утверждении федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность и установления предельного срока использования исключенных учебников» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211010045> (дата обращения: 14.12.2022).

¹⁷ Агибалова Е.В., Донской Г.М. Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / Под ред. А.А. Сванидзе. 11-е изд. М., 2021.

¹⁸ Бойцов М.А., Шукуров Р.М. Всеобщая история. История Средних веков. 5-е изд. М., 2016.

¹⁹ Абрамов А.В., Рогожкин В.А., Тырин С.В. Всеобщая история. История Средних веков: 6 класс: учебник / Под общ. ред. В.Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021.

²⁰ Ведюшкин В.А., Уколова В.И. История. Средние века. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций. 2-е изд. М., 2014.

Научная новизна исследования заключается в том, что ранее не все светские антиеретические законы XI–XIII вв. были подробно изучены исследователями на предмет причин и целей их принятия. К таковым возможно отнести антиеретическое законодательство Фридриха I Барбароссы, Генриха II Плантагенета, Альфонсо X Мудрого, а также средневекового города-государства Вероны. В настоящей работе восполняется данный пробел, а также конкретизируются особенности репрезентации властных образов в других законодательных памятниках, содержащих правовые нормы по борьбе с ересями. Комплексного рассмотрения антиеретического законодательства XI–XIII вв. в его связи с господствовавшими в данный период религиозной и политико-правовой идеями предпринято не было.

Методологическую основу исследования составила концепция британского историка Р.Я. Мура, согласно которой «политическое соперничество между властными институтами и их представителями являлось наиболее распространенной причиной обвинений в ереси»²¹. Согласно концепции американского историка права Г.Дж. Бермана, самая яркая черта западной традиции права – это «сосуществование и соревнование внутри одного общества различных юрисдикций и различных правовых систем», конкуренция которых способствовала их развитию и «сделала превосходство закона необходимым и возможным»²². Также в основе работы лежит принцип историзма, предполагающий рассмотрение тех или иных исторических явлений в развитии, с учетом динамики и изменчивости исторического контекста, с соблюдением исторической точности и научной корректности на каждом этапе работы. Данный принцип позволил провести комплексный анализ выявления причин, особенностей и характера противостояния духовной и светской властей, а также их борьбы с ересями в общеисторическом, социокультурном и политико-правовом контекстах.

²¹ Moore R.I. *The War Against Heresy in Medieval Europe // The Creighton Century, 1907–2007 / Ed. by D. Bates, J. Wallis and J. Winters. London, 2020. P. 296.*

²² Берман Г.Дж. Указ. соч. С. 27.

Были применены историко-антропологический метод, различные исторические методы, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, контент-анализ, общефилософские и общенаучные методы.

Научная и практическая значимость работы. Результаты проведенного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения истории взаимоотношений государства и церкви, борьбы с религиозным, политическим и иным инакомыслием, а также истории западной цивилизации в целом. Кроме того, они могут быть использованы в образовательном процессе при изучении курса «Всеобщая история» в 6 классе на уровне основного общего образования.

Апробация результатов исследования. Основные положения выпускной квалификационной работы представлены в виде докладов на конференциях различного уровня и опубликованы в сборниках материалов соответствующих конференций: XIV Всероссийской научной конференции с международным участием «История мировых цивилизаций. Общественные процессы в антропологическом измерении» (г. Красноярск, 2019 г.); XV Всероссийской научной конференции «История мировых цивилизаций. Религиозные теории и практики в социально-политических и культурных процессах» (г. Красноярск, 2020 г.); XVI Всероссийской научной конференции «История мировых цивилизаций. Город как историко-культурный феномен» (г. Красноярск, 2021 г.); XLI Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (г. Санкт-Петербург, 2021).

Методические положения исследования были апробированы в период прохождения педагогической практики и преподавательской деятельности в КГБОУ «Красноярский кадетский корпус имени А.И. Лебедея» (г. Красноярск).

Структура выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, трех глав, соответствующих поставленным задачам исследования, заключения.

ГЛАВА 1. ВЗГЛЯДЫ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ ВЛАСТЕЙ И ИХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЕРЕСЯМ В ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНАХ

1.1. Оформление и эволюция теории «двух мечей» и сакрализация статусов римских пап и светских правителей

Еще за несколько веков до утверждения христианства в качестве государственной религии в Римской империи активно шел процесс сакрализации личности императора как единственного обладателя абсолютной власти на основании его божественного происхождения. При этом поддержку формированию культа римского правителя оказывали в том числе и христианские апологеты, определяя императора как наместника Бога, а империю как земное воплощение Царства Небесного²³. Признание никейского христианства как господствующего (и единственного допустимого) вероучения во второй половине IV в. только закрепило сакральное положение императора как верховного властителя не только в государственных (мирских), но и религиозных вопросах. В связи с этим именно государственной власти принадлежит инициатива организации политики по искоренению еретических учений. После раздела империи принцип цезарепапизма фактически составлял основу власти ромейского императора (особенно в период правления Юстиниана I), хотя де-юре на Востоке было установлено положение о «симфонии» Царства и Священства, в которой правителю отводилась лишь надзорная и попечительская, но не руководящая роль в церковных вопросах²⁴.

Иное положение сложилось на территории распавшейся Западной Римской империи, где вопросы о разграничении предметов ведения между

²³ Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: латинский Запад и православный Восток. М., 2007. С. 46–49.

²⁴ Рожковский В.Б. Византийская теория симфонии светской и духовной властей и ее историческое значение // Философия права. 2019. № 4 (91). С. 177–178.

светской и духовной властями, а затем и вовсе о необходимости одной из них подчиняться другой нередко определяли ход истории всей западноевропейской цивилизации. При этом еще до низложения западного императора набравшая силу христианская церковь ставила вопрос о характере взаимоотношений двух властей: первую, хотя и непоследовательную попытку провести различия между «делами мирскими» и «делами божественными» предпринял папа Лев I Великий (440–461), протестуя в 452 г. по поводу признания восточно-римским императором Маркианом 28-го определения Халкидонского собора, наделившего константинопольскую кафедру равными с Римом церковными привилегиями. Обосновывая происхождение римской кафедры от Петра, получившего от Христа ключи от Царства Небесного, Лев заявил, что изменения, касающиеся церковного устройства, должны быть согласованы с папой или даже производиться с его разрешения. Однако рассуждение Льва было направлено против личности константинопольского патриарха и касалось конкретного вопроса о статусе церковных кафедр, т.к. судьба Западной империи в тот период зависела от Восточной, поэтому в дальнейшем он проявлял лояльность императорской власти и поддерживал ее примат в церковных делах²⁵.

В 494 г. папа Геласий I (492–496) занял более принципиальную позицию, четко определяя существование двух природ власти – «царской» и «святого авторитета понтификов» – и недвусмысленно указывая императору на верховенство последней в «божественных делах». Признавая за императором высший статус среди людей, Геласий указывает на еще более весомое положение священников, поскольку именно они будут отвечать за всех на Страшном суде²⁶. Примечательно, что этот вопрос возник по причине склонности восточно-римского императора Анастасия I (491–518) к

²⁵ Грацианский М.В. *Res divinae* и *res saeculares* в восприятии папы Льва Великого. К предыстории возникновения «геласианской теории» // Вестник древней истории. 2020. Т. 80. № 4. С. 1107–1111.

²⁶ Епископ [Римский] Геласий к августу Анастасию / Пер. Н.Ф. Ускова // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / Нац. обществ.-научн. фонд; руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. М., 1999. Т. 2: Европа V–XVII вв. С. 167.

монофизитской ереси²⁷, следовательно, своим письмом папа стремился оградить в будущем ортодоксальное христианство от любых потенциальных влияний на него гетеродоксальных учений, особенно если последние получат могущественную поддержку в лице правителя. Таким образом, ересь послужила не только отправной точкой постановки проблемы взаимоотношений двух властей, но и оказалась одним из ключевых явлений, отражающих ее решение в истории западноевропейского Средневековья.

Позиция Геласия I в дальнейшем стала одной из основ средневековой теории «двух мечей», характеризовавшей принципы взаимоотношений между духовной и светской властями. Образ меча был заимствован из евангельских слов Христа: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч»²⁸. В сюжете о Страстях Христовых, когда Петр отсек мечом ухо пытавшемуся арестовать Христа рабу первосвященника, Иисус повелел апостолу вернуть меч в ножны²⁹. Достаточность именно двух мечей происходила из слов Христа по окончании Тайной вечери: «Они сказали: Господи! вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно»³⁰. Таким образом, два меча выступали как символы некоего орудия высшей воли. Однако начала «мечей» и их подчиненность одному другому переосмыслились на протяжении всей истории Средневековья, исходя из интересов представителей трактующего эту теорию института – церкви или императорской/королевской власти.

В раннем Средневековье сакральным статусом своей власти и, таким образом, верховенством во всех земных делах обладали светские правители. Представления о священности королей, чье правление оказывает на общество благоприятное воздействие, восходили еще к дохристианской эпохе³¹. После принятия в 754 г. Пипином Коротким (751–768) миропомазания от римского

²⁷ Рожковский В.Б. Указ. соч. С. 178.

²⁸ Мф. 10:34.

²⁹ Мф. 26:51–52; Лк. 22:49–51; Ин. 18:10–11.

³⁰ Лк. 22:38.

³¹ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. В.А. Мильчиной; предисл. Ж. Ле Гоффа; науч. ред. и послесл. А.Я. Гуревича. М., 1998. С. 126.

папы сакральность королевской власти актуализировалась уже в связи с христианской традицией. В XII в. в одном анонимном трактате будет сформулирована идея о том, что в результате помазания король приобретал и духовную власть, поскольку тем самым становился «смешанным лицом» (*persona mixta*) – обычным человеком и проявлением Бога³². Начиная с коронации Карла Великого (768–814) как императора в 800 г. к помазанию миром также добавился обряд возложения короны римским папой. Как справедливо отмечает М. Блок, эти два обряда, ставшие в будущем обязательными атрибутами легитимности императоров, с одной стороны, наделяли их власть божественным характером, но с другой – ставили духовную власть выше светской, поскольку помазание и корону государи принимали из рук священников³³. Такая двойственность возникла и ранее по той причине, что папа «перепоручил» Пипину Церковь и прерогативы византийского императора для ее защиты³⁴, но в то же время сама способность римского понтифика распоряжаться подобным «имуществом» подразумевала его вышестоящий статус. Хотя получение от франкского короля земельных территорий будущего Патримония Святого Петра, на основании которых папство приобрело политическую власть, ставило пап в обязанное к королям положение. Возникшая коллизия и станет в эпоху Высокого Средневековья тем противоречием, разрешать которое будут теологи и придворные с доводами в пользу той или иной стороны. В действительности в IX–XI вв. и светские и духовные полномочия полностью сосредотачивались в лице государя, и именно король/император являлся высшей инстанцией в церковных вопросах³⁵, что во многом соответствовало римскому образцу. На основе преемственности каролингской идеи «возрождения империи» (*renovatio imperii*) уже германский император в X–

³² Канторович Э. Два тела короля. Исследования по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серegiной. М., 2015. С. 116–120.

³³ Блок М. Указ. соч. С. 145.

³⁴ Исaiя М.-С. Империя Каролингов: возрождение Рима? // Империи Средневековья: От Каролингов до Чингизидов / Под ред. С. Гугенхейма; пер. с фр. М., 2021. С. 48–49.

³⁵ Андреева Л.А. Указ. соч. С. 93–94.

XII вв. притязал на вселенский характер своей власти: выражавшими это атрибутами стали титул Наместника Христа (*Vicarius Christi*), а сама империя, начиная с Фридриха Барбароссы (1155–1190), называлась «священной»³⁶. При этом папа, фактически назначаемый с конца IX до середины XI в. императором, считался его уполномоченным в Риме, а другие светские государи, в том числе короли Англии и Франции – лишь правителями провинций³⁷.

В 1064 г., в период начала восстановления папского авторитета и власти после двухсотлетнего кризиса, Петр Дамиани (1007–1072) определил понтифика как «первого среди людей», «единственного главу всего мира», «царя царей и государя императоров», даже смерть которого носит вселенский масштаб, в отличие от смерти королей³⁸. В то же время его идеалом была гармония между «мечами», направленными на совместный труд «возвеличивания царства» и «расширения священства»³⁹. Претензия пап на универсалистский характер их власти впервые отчетливо выразилась в 1075 г. в программном документе Григория VII (1073–1085) «*Dictatus papae*», направленном не просто на освобождение церковной власти от светской, но и на установление господства понтифика над императорами и князьями⁴⁰. «*Dictatus papae*» в том числе содержал пункт об исключительном праве пап на пользование императорскими инсигниями (*Quod solus possit uti imperialibus insigniis*)⁴¹, восходящем к сфабрикованному в середине VIII в. «Константинову дару», согласно которому папа Сильвестр I (314–335) якобы

³⁶ Андреева Л.А. Указ. соч. С. 103–105.

³⁷ Там же. С. 100, 106.

³⁸ Паравичини Бальяни А. Тело папы / Пер. О. Воскобойникова; послесл. К. Мефтахудинова, Ю. Сапрыкина-мл. М., 2021. С. 26–28.

³⁹ Семиколенных М.В. Учение о двух мечах и его интерпретация у Оттона Фрейзингенского // История мировых цивилизаций: человек во власти и перед лицом власти. Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Красноярск, 15 мая 2009 г. / Отв. ред. Д.В. Григорьев. Красноярск, 2009. С. 75.

⁴⁰ «*Dictatus papae*» Григория VII (1075 г.) // Католицизм. Хрестоматия по предмету «Сравнительное богословие» / Сост. иер. Е. Шилов. СПб., 2020. С. 46.

⁴¹ *Uti* как «использование» переводит Е. Шилов («*Dictatus papae*» Григория VII (1075 г.). С. 46), что кажется более корректным, чем «распоряжение» (Григорий VII о папской власти // Средневековье в его памятниках / Пер. Н.А. Гейнике, Д.Н. Егорова, В.С. Протопопова и И.И. Шитца; Под ред. Д.Н. Егорова. М., 1913. С. 99), поскольку известно, например, об использовании Григорием VII красного плаща как символа императорской власти (Паравичини Бальяни А. Указ. соч. С. 141).

получил их от Константина Великого (306–337)⁴². Таким образом, претензия пап на верховенство подкреплялась не только теоретическими обоснованиями, но и церемониалом, во многом заимствованным из Византии и призванным подчеркнуть имперский характер власти понтифика. Именно период XI в. следует считать началом открытого противостояния между двумя претендентами на «божественное наместничество», выразившемся не только в борьбе за инвеституру, но и – шире – в борьбе за юрисдикцию в целом.

Близкий в силу родства к германским императорам и в силу священнического сана – к Католической церкви, Оттон Фрейзингенский (ок. 1114–1158) занимал компромиссную позицию: с одной стороны, следуя римской традиции, обосновывал божественную природу императорской власти и, таким образом, подотчетность императора только Богу⁴³, но с другой – объяснял и возвышение Церкви божественной волей, сделав вывод не просто о равенстве и сотрудничестве, а о единстве «двух мечей» (хотя и отводил императору роль «духовного сына» папы)⁴⁴.

Бернард Клервоский (1091–1153), будучи убежденным в изначальной принадлежности обоих «мечей» Церкви, выказывал возмущение вторжением папства в мирские дела, считая это унижением священнического достоинства⁴⁵. «Земной меч», которым орудует светская власть только с согласия папы, оказывается более недоступным для него, исходя из библейского сюжета об аресте Христа, потому понтифику остается непосредственное использование «меча духовного»⁴⁶. Этим Бернард разграничивал функции светской и духовной властей, оставляя за папами прерогативу волевого воздействия на правителей, но подчеркивая «полноту власти» (*plenitudo potestatis*) пап лишь над духовными лицами⁴⁷.

⁴² «Константинов дар» / Пер. Н.Ф. Ускова // Антология мировой правовой мысли. С. 175

⁴³ Андреева Л.А. Указ. соч. С. 105.

⁴⁴ Семиколенных М.В. Указ. соч. С. 78.

⁴⁵ Шмаков Р.В. Доктринальное обоснование «надгосударственности» власти Римско-католической церкви в IX–XIV вв. // История государства и права. 2017. № 14. С. 11–12.

⁴⁶ Бернард Клервоский. О размышлении / Пер. Ю. Куркина. М., 2017. С. 115–116.

⁴⁷ Там же. С. 63.

Помимо теоретических трудов христианских мыслителей примат духовной власти утверждался и на уровне формирующегося канонического права. «Декрет Грациана» (вторая половина XII в.), ссылаясь на послания римских понтификов Феликса III (483–492) и Николая I (858–867) императорам, определял, что «...установления государей должны быть поставлены ниже церковных законов. Там, где они не противоречат евангельским или каноническим декретам, пусть пользуются надлежащим почтением»⁴⁸. Хотя «Декрет» не являлся законодательным актом, в XIII в. он стал одним из доктринальных источников канонического права, давшим папству систематизированную юридическую опору своим претензиям.

На рубеже XII–XIII вв. Иннокентий III (1198–1216) развил теорию о «полноте власти». Понятие «полноты власти», введенное в V в. Львом I и изначально относившееся к верховенству римского епископа над всей Церковью⁴⁹, при Иннокентии III распространяется также и на мир на основании преемственности папы апостолу Петру, а того в свою очередь – Христу, «царю царей и государю государей, священнику вовек по чину Мелхиседекову»⁵⁰. Подчиненность светской власти духовной понтифик выразил в аллегории Солнца и Луны: как Луна, уступая во всех характеристиках Солнцу, получает от него свой свет, так и гражданская власть в своих полномочиях зависима от церковной. Эта зависимость обосновывалась рассказом из «Книги Бытия»⁵¹ о создании Богом двух небесных светил: большего – для освещения днем (по мнению папы, для руководства душами), меньшего – ночью (т.е. для руководства телами)⁵². В то же время за папой официально закрепился титул Наместника Христа, до того бывший только в титулатуре императоров. В булле «*Venerabilem*» (1202

⁴⁸ *Иоанн Грациан. Согласование несогласных канонов / Пер. Н.Ф. Ускова // Антология мировой правовой мысли. С. 249.*

⁴⁹ *Грацианский М.В. Haeres Petri sive vicarius Petri: Обоснование исключительных властных прерогатив римского епископа папой Львом Великим // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2019. № 89. С. 39.*

⁵⁰ *Паравичини Бальяни А. Указ. соч. С. 105.*

⁵¹ Быт. 1:14–18.

⁵² *Innocent III to Acerbius, 1198 // A Source Book for Mediaeval History: Selected Documents Illustrating the History of Europe in the Middle Age / Ed. by O.J. Thatcher, E.H. McNeal. New York, 1905. P. 208.*

г.), вошедшей в 1234 г. в сборник папских декреталий «Liber extra», Иннокентий III, признавая за имперскими князьями традиционное право избрания императора, определял за понтификом прерогативу испытания кандидата по двум основаниям: во-первых, выборщики получили свои полномочия от папства, «перенесшего империю» в Германию при Карле Великом, а во-вторых, именно папа осуществляет помазание и коронацию императора, т.е. придает его власти легитимность⁵³. В целом, понтификат Иннокентия III считается апогеем могущества папской власти, и он стал единственным главой Церкви, которому удалось максимально воплотить теоретический примат «духовного меча» на практике и поставить «светский меч» на службу церковным интересам. Продолжая линию предшественника, Григорий IX (1227–1241) в период открытого противостояния с Фридрихом II оправдывал применение «мирского меча» (т.е. объявленный против императора крестовый поход) угрозой всему «телу Церкви»⁵⁴, а фактически – папству, поскольку именно в это время началось оформление концепции, ассоциировавшей понтифика с Церковью⁵⁵.

Ответом Фридриха II (1220–1250) на папский универсализм становится развитие идеи об императоре как исполнителе Юстиции – божественной справедливости, формируемой исходя из потребностей земной жизни, но в то же время определяющей эту жизнь. Согласно такому представлению, императорская власть наделялась мессианским характером, а потому государь мог определять своей волей весь жизненный уклад, что отражалось в том числе и в утверждаемом законодательстве⁵⁶. О.С. Воскобойников справедливо отмечает, что в прологе к изданным в 1231 г. «Мельфийским конституциям» («Liber Augustalis») юристы императора не разделяли государство и церковь, как считал Э. Канторович, а по заложенной еще

⁵³ Liber extra. Компильция декреталий папы Григория IX / Пер. Н.Ф. Ускова // Антология мировой правовой мысли. С. 277–278.

⁵⁴ Whalen B.E. The Two Powers: the Papacy, the Empire, and the Struggle for Sovereignty in the Thirteenth Century. Philadelphia, 2019. P. 37.

⁵⁵ Паравичини Бальяни А. Указ. соч. С. 113.

⁵⁶ Канторович Э. Император Фридрих II / Пер. с нем. Л.В. Ланника и И.П. Стебловой, коммент. и послесл. Л.В. Ланника. СПб., 2022. С. 257–259.

Августин (354–430) традиции обозначали роль светского правителя как ее защитника⁵⁷. Однако причину разрастания в этот период конфликта императора и папы исследователь видит в различии их философских взглядов на вопрос о бессмертии души, сомнения в котором папская курия могла усмотреть в словах пролога о «наилучшей природе» (возможно, аристотелевской частично смертной душе), помогавшей «первозданной материи» в сотворении мира. Это сомнение, невольно ставившее под вопрос целесообразность существования Церкви как проводника к спасению однозначно бессмертной души, вызвало закономерную реакцию понтифика и стало одним из поводов к будущему обвинению императора в ереси⁵⁸. В любом случае Фридрих рассматривал императорскую персону как правомочную действовать от имени Бога, а общая концепция «Мельфийских конституций» устанавливала положение церкви как составной части империи, подчиненной императору⁵⁹. Противостояние Фридриха II с Григорием IX и Иннокентием IV (1243–1254), активно стремившимися продолжать воплощение папского универсализма в действительность, стало наивысшей точкой конфликта «двух мечей», весьма условно разрешившего на недолгое время в пользу папства лишь в связи со смертью императора в 1250 г.

Со второй половины 60-х гг. XIII в., когда Карл Анжуйский (1246–1285) начал активную кампанию по строительству своей средиземноморской империи, римские понтифики постепенно теряли свое влияние на светскую власть, а некоторые, например Мартин IV (1281–1285), и вовсе проводили откровенно прокапетингскую политику⁶⁰. Во Франции начинают становление

⁵⁷ Воскобойников О.С. Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250). М., 2008. С. 100.

⁵⁸ Там же. С. 101–103.

⁵⁹ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. Н.Р. Никоновой. М., 1998. С. 400.

⁶⁰ Мартин IV, выходец из Франции, был активным сторонником Карла Анжуйского в его претензиях на Константинополь и Латинскую империю, хотя все предшествующие папы ограничивали политические амбиции Карла и стремились к мирному заключению унии между Римской и Константинопольской церквями (См.: *Runciman S. The Sicilian Vespers. A History of the Mediterranean World in the Later Thirteenth Century.* Cambridge, 1958. P. 191–195).

идеи о внешнем суверенитете французской короны как от императора, так и от папства⁶¹, связанные в том числе с утверждением законного права монарха выступать верховным судьей для всех своих подданных⁶². Сборник норм обычного права, составленный в 1282 г. королевским бальи Филиппом де Бомануаром и известный как «Кутюмы Бовези», хотя еще и отражал представления об отношениях светской и духовной властей как о взаимопомогающих «двух мечях», но отдельно предостерегал вмешательство «духовного» в светскую юстицию⁶³.

В этот же период имперская идея постепенно рецепируется в других зарождающихся национальных монархиях – Англии и испанских королевствах⁶⁴. Английский юрист и священнослужитель Генри Брактон (ок. 1210 – ок. 1268) в трактате «О законах и обычаях Англии» ставит выше королевской власти лишь основанный на справедливости закон, который создается самим королем, и Бога⁶⁵. В случае, если король допускает несправедливость, исправить ее должен либо он сам, либо в качестве регулятора его действий выступает королевская курия. При этом Брактон признавал верховенство римского понтифика, но лишь в отношении духовных дел⁶⁶, т.е. возвращался ко взглядам о разделении двух властей, каждая из которых имела свое верховное лицо – короля и понтифика.

В кастильском законодательном своде «Семь Партид», созданном в 1260-х гг. по указу Альфонсо X Мудрого (1252–1284), также проводилось разделение «двух мечей», которые должны действовать в согласии. Король

⁶¹ *Малинин Ю.П.* «Королевская троица» во Франции XIV–XV вв. // *Одиссей. Человек в истории.* 1995. М., 1995. С. 22, 31–32.

⁶² Во Франции для этого обоснования в том числе использовалась имеющая библейские истоки метафора «поедания» королем своих подданных (См.: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия / 2-е изд., испр. и доп. М., 2022. С. 297–298).

⁶³ *Филипп Бомануар.* Кутюмы Бовези / Пер. Н.А. Хачатурян, Е. Тушиной // *Антология мировой правовой мысли.* С. 458.

⁶⁴ *Канторович Э.* Два тела короля. С. 349.

⁶⁵ *Генри Брактон.* Трактат «О законах и обычаях Англии» / Пер. Е.В. Гутновой // *Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы* / Под ред. акад. В.М. Корецкого. М., 1961. С. 154–155.

⁶⁶ Там же. С. 150.

выступал гарантом этого взаимодействия и защитником Церкви⁶⁷. Однако по своему статусу он ставился выше папы, поскольку папа – лишь наместник апостолов, в то время как король – наместник Бога⁶⁸. «Партиды» разделяли все законы на относящиеся к вере и относящиеся к «благой жизни». Правом создания законов, которым должно следовать население определенной территории, обладали только король и император (последний – в связи с претензией Альфонсо Мудрого на имперский трон), все остальные акты, если только они не были одобрены правителем, не имели юридической силы⁶⁹. Таким образом, хотя юрисдикция Церкви над определенным кругом дел не отрицалась⁷⁰, возможность ее осуществления в границах Кастильского королевства фактически ставилась в зависимость от короля, а не папы. Особенно примечательно, что статус короля юристы Альфонсо X стремились возвысить и над императором на основании того, что первый творит право (император – лишь законы), его власть наследственная (а не выборная) и он органически связан со своим народом⁷¹. Данный пример является показательным в плане реакции формирующихся национальных королевств на свою «провинциальность» по отношению к Священной Римской империи, хотя необходимо отметить, что установления «Семи Партид» – это все же идея, поскольку источником права (и лишь вспомогательным) они станут только с середины XIV в.

Весьма сложными и достаточно противоречивыми являются воззрения на взаимоотношения властей Фомы Аквинского (1225–1274). В «Сумме теологии» Аквинат, рассуждая о том, является ли решение неправомочного суда правосудным (законным), заключает, что светская власть подчиняется духовной «подобно тому, как тело подчинено душе». Следовательно,

⁶⁷ Варьяш И.И. Власть короля и королевское право в «Семи Партидах» Альфонсо Мудрого // Исторический вестник. 2015. Т. 12. № 159. С. 127–128.

⁶⁸ Марей А.В. Король, Папа и Император: проблема легитимности светской власти в «Семи Партидах» и глоссе Грегорио Лопеса // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 2. С. 355.

⁶⁹ Семь Партид мудрого короля дона Альфонса / Пер. И.А. Брея // Хрестоматия памятников... С. 476–477.

⁷⁰ Там же. С. 481.

⁷¹ Марей А.В. Указ. соч. С. 356–357.

решения духовной власти в мирских вопросах, изначально находящихся в ее ведении или делегированных ей светской властью, правомочны, а значит, законны⁷². В трактате «О правлении государей» (1271–1273 гг.), написанном для короля Кипра, он указывает на разделение духовных и земных сфер, однако подчеркивает верховенство в них римского папы⁷³. Позиция Аквината, с одной стороны, отсылает ко взглядам Геласия I (существуют отдельно власть духовная и власть светская, при этом духовная стоит выше в силу своей мессианской функции), но с другой – продолжает оформившуюся в XIII в. теорию о «полноте власти». В то же время, как замечает М. Суини, нельзя говорить о полном принятии богословом принципа *plenitudo potestatis*, поскольку Аквинат оговаривает существование дел, которые «переданы на рассмотрение духовной власти властью мирской» (например, управление церковными землями, полученными от государей)⁷⁴. В таком случае, несмотря на делегирование части полномочий, их источником все равно остается власть светская. Точку зрения Фомы Аквинского возможно считать компромиссом между историческим порядком и существовавшей во второй половине XIII в. политической реальностью.

В связи с начинавшимися в XIII в. процессами централизации западноевропейских монархий папский универсализм начал оспариваться не только империей, но и национальными королевствами. Последней громкой попыткой вернуть утрачиваемые папством позиции, являвшейся скорее агонией, чем реальной политикой, стало издание Бонифацием VIII (1294–1303) буллы «*Unam sanctam*» в 1302 г. В этой декреталии понтифик изложил прежние идеи об изначальной принадлежности обоих «мечей» Церкви, о служении «материального меча» «духовному» и заявил о подсудности

⁷² Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 47–122 / Пер., ред. и примеч. С.И. Еремеева. Киев, 2013. С. 167.

⁷³ Он же. О правлении государей / Публ., пер., вступ. ст. и примеч. Н.Б. Срединой // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990. С. 242.

⁷⁴ См. подробнее о взглядах Фомы Аквинского на взаимоотношения двух властей и принцип *plenitudo potestatis*: Суини М. Лекции по средневековой философии. Выпуск 2. Средневековая политическая философия Запада. М., 2006. С. 149–163.

высшей духовной власти только Богу⁷⁵. В целом, булла, весьма отличаясь от предшествующих подобных источников своим радикальным характером, не содержала в себе каких-либо оригинальных взглядов или обоснований. Однако ее значение, прежде всего, и заключалось в решительных формулировках, которыми папа заявлял о своей супрематии. Во-первых, впервые была установлена прямая связь между подчиненностью понтифику и спасением. Без каких-либо пространных рассуждений, подобных «ответственности клира перед Богом на Страшном суде» Геласия I или «Солнцу и Луне» Иннокентия III, заявлялось, что вне Католической церкви достичь спасения – одной из ключевых категорий христианской догматики – невозможно. Поскольку главой «церковного тела» является римский понтифик, то послушание ему – это послушание Церкви, следовательно – необходимое условие к спасению. Во-вторых, отрицание сосредоточения «двух мечей» в только одном, духовном, начале приравнивалось к дуалистической манихейской ереси, следование которой (реальное или мнимое) наказывалось смертью. Наконец, все это получило наивысшее юридическое оформление в виде папской декреталии, по своему правовому положению находящейся на уровне решений Соборов, а политически – стоящей даже выше их⁷⁶. В действительности же Бонифаций VIII проиграл борьбу за верховенство французскому королю Филиппу IV Красивому (1285–1314), а папство фактически стало орудием королевской политики в период 1309–1377 гг., вошедший в историю как «Авиньонское пленение».

Изменяющаяся в конце XIII – XIV вв. расстановка сил привела к складыванию политико-правовой мысли, отвергающей папскую супрематию в светских делах. Ряд интеллектуалов проторенессанса возвращались к концепциям об автономности обоих «мечей». Например, Уильям Оккам (ок. 1285–1347) допускал временное и ограниченное вмешательство одной власти

⁷⁵ Булла «Unam sanctam» папы Бонифация VIII / Пер. с фр. Ю. Куркина // Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви (III–XX вв.). СПб., 2022. С. 247.

⁷⁶ См. подробнее о соотношении юридической силы папских декреталий и постановлений церковных Соборов в Средние века: *Вишневецкий А.А.* Каноническое право. Древняя Церковь и Западная традиция. М., 2006. С. 99–102.

в дела другой лишь в кризисных ситуациях: например, если папа или император впали в ересь, либо светская власть оказалась недееспособна⁷⁷. Данте Алигьери (1265–1321), выделяя в трактате «Монархия» (1313 г.) вопрос о зависимости светской власти от духовной одним из ключевых, сделал вывод, что претензия церкви на то, чтобы «давать власть царству земному», противоречит самой ее сущности⁷⁸. Он критикует теорию Иннокентия III о двух светилах как двух властях на теологически-рациональном и астрономическом основаниях: во-первых, когда Бог создал Солнце и Луну на четвертый день, человека еще не существовало, а потому такое творение с целью контроля над человеческими душами и телами было бы бессмысленным, что не свойственно Богу; во-вторых, Луна, по разделяемому Данте взгляду, обладает собственными движущей силой и источником света, поэтому нет никакой ее зависимости от Солнца, а следовательно, и зависимости светской власти от духовной⁷⁹. Весьма материалистически толкуя метафору о двух мечях на Тайной вечере как о мечях действительно вещественных и достаточных для обороны⁸⁰, Данте подвергает критике и «Константинов дар» – основной юридический аргумент превосходства Церкви над государством. Понимая империю как нечто единое, созданное Богом для консолидации народа, он отказывает Константину в праве отчуждать от нее что-либо, поскольку император существует для империи, а не наоборот – на том же основании нелегален и «перенос империи» понтификом к Карлу Великому при правящем византийском императоре⁸¹. В целом, концепция Данте, хотя и провозглашает императора единственным транслирующим божественную волю правителем земного мира, не отрицает необходимости воздавать им почести римскому первосвященнику как преемнику Петра⁸². И.Н.

⁷⁷ Суини М. Указ. соч. С. 226.

⁷⁸ Данте Алигьери. Монархия / Пер. с итал. В.П. Зубова; комм. И.Н. Голенищева-Кутузова. М., 1999. С. 134.

⁷⁹ Там же. С. 105–107.

⁸⁰ Там же. С. 117.

⁸¹ Там же. С. 120–124.

⁸² Там же. С. 138.

Голенищев-Кутузов рассматривает такое заключение как еще существовавшую надежду на компромисс между императором Генрихом VII (1312–1313) и папой Климентом V (1305–1314)⁸³. Действительно, возможно считать данный вывод трезвым взглядом автора на политическую реальность, поскольку императорская власть Генриха не была неоспоримой, а сам понтифик был зависим от могущественного короля Франции.

Радикальную точку зрения о верховенстве светской власти выразил Марсилий Падуанский (ок. 1270 – ок. 1342), посвятивший взаимоотношениям императора и папы трактат «Защитник мира» (1324 г.) и сочинение «Перенос империи». Марсилий однозначно определял всю полноту земной власти за светскими правителями (при этом по многим факторам отдавая предпочтение избираемому государю, чем наследственному), т. к. сам Иисус признавал законную власть Пилата⁸⁴. Рассматривая исторический процесс «переноса» империи от римлян в конечном счете к германцам, Марсилий отказывает понтифику в верховенстве по основаниям, сложившимся при Пипине Коротком и Карле Великом. Утверждая Пипина королем, папа Захария лишь выражал свое необязательное одобрение, поскольку в действительности тот был избран франкской знатью; последующую передачу Церкви земель будущего Папского государства Марсилий считает лишь волевым, но не юридическим актом нового короля, к тому же косвенно отказывая папе Стефану II в полномочиях по «переносу империи» из Византии⁸⁵. Наделение Карла Великого юрисдикцией в вопросах назначения церковных иерархов (в том числе римского понтифика) исходило из решения церковного собора, приравненного к воле римского народа, равно как и провозглашение его императором⁸⁶. Наконец, обряд папской коронации германских императоров

⁸³ Данте Алигьери. Указ. соч. С. 187.

⁸⁴ Суини М. Указ. соч. С. 298–301.

⁸⁵ Марсилий Падуанский. Перенос империи / Пер. и примеч. О.С. Воскобойникова // Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / А.С. Ануфриева, М.В. Бибилов, Д.Ю. Бовыкин и др.; сост. и отв. ред. О.С. Воскобойников, О.И. Тогоева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2021. С. 433–434.

⁸⁶ Там же. С. 436, 438.

– для Марсилия не более, чем символическое закрепление факта, поскольку источником их власти является народная воля, а позже – решение князей-выборщиков⁸⁷. Взгляды Марсилия Падуанского приблизили его к враждовавшему с папой германскому королю Людовику IV Баварскому (1314–1347), постановившему в 1338 г., что для признания легальности и легитимности власти императора достаточно лишь факта его избрания имперскими князьями. При этом попытки оспаривания этого положения приравнивались к преступлению оскорбления величества⁸⁸.

Таким образом, интеллектуальная дискуссия о должном характере взаимоотношений между светской и духовной властями в целом строилась на обосновании двух ключевых вопросов: 1) кто являлся «земным наместником» Бога и, соответственно, изначальным держателем «мечей» – римский понтифик или государь (император/король); 2) насколько легальным был «перенос Римской империи» из Византии к франкам и какие обязательства он накладывал в связи с этим на пап и светских правителей. Претензия пап на супрематию, наиболее ярко выразившаяся в середине XI–XIII вв., тем не менее не была однозначно разделяемой, что обуславливалось прежде всего политическими реалиями. Если в данный период, начиная примерно с 1000 г., возможно говорить об общих тенденциях к ослаблению королевской власти и росту феодализации, то Церковь, в свою очередь, наоборот укрепляла структуру, автономизируясь от светской власти и централизовываясь к папству. По мере развития процессов централизации европейских государственных образований дискурс о верховенстве вновь склоняется в сторону светских правителей, становясь преобладающим уже в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени.

⁸⁷ *Марсилиус Падуанский*. Перенос империи. С. 440–441.

⁸⁸ Закон Людвига Баварского об избрании императора / Пер. В.М. Корецкого // Хрестоматия памятников... С. 436.

1.2. Обоснование необходимости противодействия ересям

Начиная с первых веков своего существования, христианство столкнулось с неизбежностью разногласий, вызванных плюрализмом воззрений при формулировании догматики и доктрины нового религиозного учения. Эти разногласия касались в первую очередь вопросов христологического, экклезиологического и антропологического характера, то есть были связаны с определением сущности Христа, функций и организации Церкви, природы человека и возможностей его спасения и т. д. Выразители этих идей, будучи интеллектуальной элитой своего времени, формировали новые учения, которые конкурировали между собой за право стать ортодоксальными. В результате продолжительной идейной, а вместе с тем и политической борьбы между различными направлениями в раннем христианстве статус ортодоксального к концу IV в. приобрело христианство, основанное на Никейском (Никео-Цареградском) Символе веры. Благодаря поддержке со стороны императорской власти (эдиктам Константина I от 326 г. и Феодосия I от 380 г.)⁸⁹, никейское христианство становится господствующим, а течения, противоречащие ему в указанных вопросах, объявляются еретическими и осуждаются.

В первые века христианства отношение к ереси как осознанному отклонению от признанной догмы было более терпимым, чем станет в Средневековье, что объясняется двумя причинами. Во-первых, как уже отмечалось, до IV в. христианство не было единым и организованным учением, следовательно, определить, что являлось догмой, а что – ересью, не представлялось возможным. Из этого следует, что каждое из течений могло считать себя истинным, а все другие – ложными до тех пор, пока какое-либо из них не приобретало обеспеченный государственным принуждением статус господствующего. Так, например, при преемнике Константина Великого

⁸⁹ См.: Меланченко И.В. Правовое положение еретиков в поздней Римской империи (на материале конституций Кодекса Феодосия) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2 (6). С. 52–53.

Констанции II (337–361) получает поддержку светской власти учение александрийского пресвитера Ария, преданное осуждению на Первом Никейском соборе в 325 г., а сторонники никейского христианства подвергаются преследованиям⁹⁰. Кроме того, арианство являлось господствующей религией в государственных образованиях готов: в Королевстве остготов – до его завоевания Византией в 555 г., в Вестготском королевстве – до III Толедского собора 589 г.

Вторым фактором, первоначально обеспечивавшим относительную терпимость к религиозному инакомыслию или, по крайней мере, ограждавшим адептов от насильственного насаждения своих концепций, явилось собственно христианское вероучение, еще не облаченное в догматическую форму и выраженное в книгах Нового Завета. Несмотря на то, что оно изначально относилось к смертным грехам⁹¹, в то же время воспрещало какое бы то ни было физическое воздействие на инакомыслящего, а единственным средством обращения признавало убеждение: как говорил апостол Павел, «еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден»⁹². Сам Иисус предостерег своих учеников от желания покарать еретиков самарян: «Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать...»⁹³.

Со II в. начинается широкое апологетическое движение Отцов Церкви: Иустин Философ, Ириней Лионский, Тертуллиан и Ипполит Римский создают первые сочинения, направленные не только на защиту христианского учения*, но и на изобличение его противников – главным

⁹⁰ Шафф Ф. История христианской церкви. Том III. Никейское и посленикоевское христианство. От Константина Великого до Григория Великого (311–590 г. по Р. Х.) / Пер. О.А. Рыбаковой. СПб., 2011. С. 98.

⁹¹ 2 Петр. 2:1; Гал. 5:20.

⁹² Тит. 3:10–11.

⁹³ Лк. 9:55–56.

* Здесь и далее под христианским учением будет подразумеваться ортодоксальное христианство, которое с IV в. станет основываться на Никейском Символе веры, а с середины XI в. получит наименование католического.

образом последователей гностических христианских течений (валентиниан, маркионитов, монтанистов и др.). Полемизируя с гностиками, Ириной Лионский (ок. 130–202) определял еретиков как «искажающих изречения Господа и худо истолковывающих то, что хорошо сказано... При этом они нарочно искусными оборотами слов увлекают простых людей к пытливости, а между тем губят этих несчастных, не способных отличить лжи от истины, возбуждая в них богохульные и нечестивые мысли против Творца»⁹⁴. По его мнению, причина ересей – в «пытливости» человеческого ума. Хотя и не говоря об этом прямо, Ириной подразумевается, что какое бы то ни было толкование Священного Писания опасно, так как влечет за собой «заблуждение», а простой человек не способен различить истину и ложь.

Ту же мысль утверждал в своих сочинениях Тертуллиан (ок. 160 – ок. 220), определяя ересь как «выбор мнения, которое используют для наставления или усвоения превратных учений»⁹⁵. Критикуя античную философию за «безрассудное толкование Божественной природы», которое «подстрекает» ереси, он пришел к выводу, что учение Христа и Евангелие более чем достаточны для понимания мироздания и в умственных изысканиях человеку нет нужды – довольно одной веры⁹⁶. По мнению апологета, ереси существуют для того, чтобы испытывать на прочность истинную веру, их не стоит бояться, но следует отвергать⁹⁷. Приводя аргументы против еретических учений, Тертуллиан дал толкование словам апостола Павла из «Первого послания к Коринфянам», которыми еретики оправдывали существование различных мнений внутри христианского вероучения: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные»⁹⁸. «Искусными», в понимании теолога, апостол называл тех христиан, кто «не отклонился к ересям», а само по себе

⁹⁴ *Ириной Лионский*. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Пер. протоиерея П. Преображенского, Н.И. Сагарды. СПб., 2008. С. 21–22.

⁹⁵ *Тертуллиан*. О прескрипции [против] еретиков / Пер. с лат. А.А. Столярова // Тертуллиан. Избранные сочинения / Общ. ред. и сост. А.А. Столярова. М., 1994. С. 108.

⁹⁶ *Тертуллиан*. Указ. соч. С. 109.

⁹⁷ Там же. С. 106.

⁹⁸ 1 Кор. 11:19.

разномыслие противоречит «духу сохранения единства и усмирения разделений», которым пронизано послание святого Павла⁹⁹. Также Тертуллиан обращался к наставлению апостола о необходимости вразумлять еретика, однако, как он пишет, лишь единожды. Такое различие между действительными словами апостола Павла и авторским толкованием возможно объяснить тем, что в тексте «Послания к Титу», которым пользовался Тертуллиан, отсутствовали слова «и второго». Однако же сам апологет обосновывал это наставление следующим образом: увещевать дважды «в присутствии двух или трех свидетелей» необходимо лишь христиан, к которым еретики не относятся¹⁰⁰. Кроме того, Тертуллиан предложил одну из первых мер по предупреждению распространения гетеродоксальных учений: не допускать к чтению и толкованию Священного Писания тех, «кому это не подобает»¹⁰¹.

В дальнейшем Отцами Церкви (Ипполитом Римским, Оригеном, Иеронимом Стридонским, Аврелием Августином, Исидором Севильским и др.) создаются многочисленные сочинения, опровергающие претензию различных еретических течений на истинность своих учений, но каких-либо иных мер против еретиков, помимо установленных апостолами, они не предлагали. Однако следует отметить, что в то же время некоторые христианские мыслители высказывались в поддержку антиеретических законов, установленных светской властью. Так, например, Августин (354–430), изначально выступавший лишь за богословский диспут как средство вразумления еретиков, в зрелые годы стал сторонником государственных мер противодействия ереси: штрафов, изгнаний, тюремных заключений, исключая только смертную казнь¹⁰². Такая перемена во взглядах Августина объясняется тем, что теолог в итоге осознал неэффективность увещеваний в деле обращения еретиков, признав действительной лишь силу государства,

⁹⁹ Тертуллиан. Указ. соч. С. 108.

¹⁰⁰ Там же. С. 114.

¹⁰¹ Там же. С. 113–114.

¹⁰² Мамонтов А.Л. Отношение Августина Блаженного к законам против донатистов (по материалам переписки) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. № 20-2. С. 695.

хотя и указывал главной целью законов страх, а не само наказание¹⁰³. Тем не менее примеры заступничества и Августина за донатистов, и Мартина Турского за Присциллиана и его сторонников перед императорами¹⁰⁴ демонстрируют, что раннему, пусть уже и ортодоксальному христианству были чужды идеи радикальной борьбы с ересями.

Одно из первых оправданий смертной казни для еретиков встречается в начале IX в. в сочинении византийского монаха Феофана Исповедника (ок. 760–818). Повествуя о том, как взошедший на престол в 811 г. Михаил I «объявил смертную казнь манихеям, павликианам, афинганам во Фригии и Ликаонии, но был удержан от этого другими советниками под предлогом покаяния», монах свидетельствует об установлении запрета священнослужителям выносить смертные приговоры¹⁰⁵. Феофан считает такое решение «совершенно противным Священному Писанию». По его мнению, еретики не способны к действительному раскаянию, а в пользу смертного наказания для них он приводит историю об умерщвленных всего лишь за ложь (по словам Феофана, лично Петром) Анании и Сапфире¹⁰⁶ и слова Павла о язычниках-содомитах¹⁰⁷: раз уж последние «достойны смерти, и это за один плотский грех», то еретиков служители Церкви тем более должны привести к той же участи¹⁰⁸. Этот пример, пусть и относящийся к Восточной Церкви, демонстрирует, каким образом начало складываться одобрение смертных наказаний для еретиков среди христианских деятелей ввиду их собственного «расширенного» понимания текстов Нового Завета. Однако все же необходимо отметить, что эти идеи обосновывали уже существовавшую с IV в. практику борьбы с еретиками со стороны государственной власти, то есть не предвосхищали, а, наоборот, следовали за светским законодательством.

¹⁰³ Мамонтов А.Л. Указ. соч. С. 696.

¹⁰⁴ См.: *Льоренте Х.А.* Критическая история испанской инквизиции. М., 1936. Т. 1. С. 41–42.

¹⁰⁵ Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В.И. Оболенского, Ф.А. Терновского; Предисл. О.М. Бодянского. М., 1884. С. 364.

¹⁰⁶ Деян. 5:1–11.

¹⁰⁷ Рим. 1:32.

¹⁰⁸ Летопись византийца Феофана... С. 364.

Период до XI в. характеризуется относительным спокойствием в вопросе противоборства христианской церкви Запада (фактически уже разделенной с Востоком) с еретическими течениями¹⁰⁹. Однако в это же время под влиянием народной культуры в сознании не только простых людей, но и ведущих умов времени постепенно происходит симбиоз понятий ереси с ведовством, язычеством и дьяволопоклонством¹¹⁰. Если в раннем христианстве ереси хоть и считались творением дьявола (как и все другие грехи), но все же в первую очередь обвинялись в ложном толковании Священного Писания, то к периоду Высокого Средневековья устанавливается прямая связь между ними: еретиков понимают как поклоняющихся различным демонам, служащих им или пытающихся использовать их в своих целях, практикующих каннибализм, оргии, человеческие жертвоприношения Сатане, насылающих голод и мор на селения, подчиняющих себе волю людей, облачающихся в животных и т. д. Выступая против катаров, Алан Лилльский (ок. 1120–1202) давал им такое определение: «Катары зовутся так от кота: ибо, как говорят, они целуют в зад кота, в виде коего, как говорят, является им Люцифер»¹¹¹. Вальтер Мап (ок. 1140 – ок. 1210) называл практикующих подобные ритуалы, сопровождаемые оргиями, патаренами, то есть «претерпевающими» плотские вожделения друг друга¹¹². Все это говорит о том, что у современников не было понимания действительной сущности новых еретических учений и все они были смешаны друг с другом в сознании как простых обывателей, так и ученых людей. Различие между ересью и ведовством начинает постепенно проявляться лишь со второй половины XIII в.¹¹³

¹⁰⁹ Шафф Ф. История христианской церкви. Том V. Средневековое христианство. От Григория VII до Бонифация VIII (1049–1294 г. по Р. Х.) / Пер. О.А. Рыбаковой. СПб., 2015. С. 283.

¹¹⁰ Рассел Дж.Б. Колдовство и ведьмы в Средние века / Пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. СПб., 2001. С. 133.

¹¹¹ Цит. по: Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: очерк по истории церкви и школы в Западной Европе / Предисл. А.В. Сазанова, Т.Г. Бородинской; примеч. А.В. Сазанова. М., 2015. С. 287.

¹¹² Вальтер Мап. Забавы придворных / Издание подгот. Р.Л. Шмариков. СПб., 2020. С. 52.

¹¹³ Тогоева О.И. Реальность или иллюзия? Теория и практика ранних ведовских процессов в Западной Европе (XIII–XV века) // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Выпуск 2. М., 2013. С. 61.

После сожжения в 1022 г. в Орлеане нескольких католических клириков по обвинению в «почитании дьявола, который им являлся сначала в образе эфиопа, а затем как ангел света, ежедневно доставляя им большое количество серебра»¹¹⁴, все больше христианских богословов начинают поддерживать высшую меру наказания за ересь. Орлеанские, а вслед за ними и многие другие еретики в сочинениях теологов обозначаются одним общим названием – «манихеи». Это связано с тем, что рассказы о якобы имевших место у еретиков оргиях, жертвоприношениях и прочих ритуалах, а также их действительные дуалистические воззрения находили свое подтверждение в трактатах Аврелия Августина против манихеев. Рассмотрев в новых народных ересях «повторение» древней истории, богословы, не имея достаточной широты источников информации, долгое время причисляли всех религиозных диссентеров к последователям этого позднеантичного синкретического учения. Таким образом, еще одним основанием борьбы с ересями в Средние века становится не только их дьявольская природа, но и видимая преемственность с древними «лжеучениями», противостоять которым призывали еще Отцы Церкви.

В XI–XII вв. мнения христианских деятелей о допустимых мерах наказания за ересь разделились: одни, вслед за светской властью, обосновывали возможность применять смертную казнь к еретикам, другие же продолжали отстаивать новозаветную идею о необходимости их вразумления. Среди последних был, например, епископ Льежа Вазо (985–1048), который в ответ на вопрос своего коллеги о том, как следует поступать с обнаруженными в епархии Шалона «манихеями», дал наставление бороться с ересью исключительно силами духовного воздействия, проявляя присущее самому Христу смирение и кротость¹¹⁵. Т. Хед обратил внимание, что в своем послании Вазо целенаправленно назвал новых еретиков не манихеями

¹¹⁴ *Адемар Шабаннский*. Хроникон. СПб.; М., 2015. С. 227.

¹¹⁵ *Head T. Naming Names: The Nomenclature of Heresy in the Early Eleventh Century // History in the Comic Mode: Medieval Communities and the Matter of Person / Ed. by R. Fulton and B.W. Holsinger. New York, 2007. P. 99.*

(которые наказывались смертью еще со времен римских императоров), а арианами, тем самым давая понять епископу Шалона, что с ними следует поступать умереннее¹¹⁶. По мнению Вазо, судить должен Бог, а не епископы, а опасность распространения практики смертных наказаний для еретиков он видел в возможных злоупотреблениях властью этим полномочием¹¹⁷. С той же мыслью епископ выступал и против участия светской власти в борьбе с ересями¹¹⁸.

Схожих взглядов с льежским епископом придерживались Пьер Абеляр (1079–1142) и Петр Достопочтенный (ок. 1092–1156). А.Л. Дунаев классифицирует их трактаты как сочинения «богословского типа», то есть с философской позиции опровергающих положения новых еретических учений и адресованных в первую очередь ученым богословам с целью дать им дополнительные аргументы в полемике с еретиками¹¹⁹. Завершая многовековую традицию, Абеляр и Петр Достопочтенный также были склонны к идее о том, что проповедь – наилучшее средство для переубеждения заблуждающихся. Однако второй в своем труде против ереси Петра из Брюи уже допускает важное уточнение, свидетельствующее о переходе к новой парадигме в определении допустимых мер борьбы с еретиками: если проповедь окажется недостаточным средством, возможно прибегнуть к использованию вооруженной силы мирян¹²⁰. Одна из немногих причисленных к лику Учителей Церкви женщин, Хильдегарда Бингенская (1098–1179), призывая светские власти изгонять еретиков и лишать их свободы, выступала решительно против наказаний их смертью, «ибо и они – образ Божий»¹²¹. В целом, эти идеи явились, хотя и с

¹¹⁶ Head T. Op.cit. P. 99.

¹¹⁷ Roach A.P., Angelovska-Panova M. Punishment of Heretics: Comparisons and Contrasts Between Western and Eastern Christianity in the Middle Ages // Journal of History. 2012. Vol. 47. № 1. P. 158.

¹¹⁸ Moore R.I. The War on Heresy. Cambridge, 2012. P. 69.

¹¹⁹ Дунаев А.Л. Основные этапы идеологической борьбы с ересью в XII–XIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 1. С. 77.

¹²⁰ Там же. С. 82.

¹²¹ Перну Р. Хильдегарда Бингенская. М., 2014. С. 115–116.

определенными изменениями, последним примером антиеретической полемики, существовавшей со времен раннего христианства.

На рубеже XII–XIII вв. в связи с невиданной прежде широтой распространения еретических учений их демонизация достигает апогея: сначала видные христианские миссионеры (например, Бернар Клервоский), а затем и сам папа Иннокентий III утверждают идею о том, что с еретиками невозможен диалог, поэтому следует добиваться их возвращения в лоно Церкви путем принуждения, а для особо упорствующих в ереси – применять не только духовные, но и физические наказания. Эта позиция сформировалась по причине того, что многолетние попытки увещаний «заблудших душ» оказались безрезультатны. Ярким проявлением такого «отчаяния» стали обращенные к еретикам в Лангедоке слова Доминика де Гусмана (1170–1221), когда будущий святой перешел к прямой угрозе воздействовать на упорствующих «палкой», то есть прибегнуть к силе светской власти не просто в сфере закона, а организовать против них настоящую войну¹²².

Однако, помимо «духовного бессилия», следует учитывать и другой фактор, способствовавший переходу Католической церкви от убеждения к принуждению, – апогей могущества папской власти, пришедшийся на период XII–XIII вв. и связанный в первую очередь с понтификатом Иннокентия III. Если ранее антиеретический дискурс Церкви был продиктован необходимостью обосновать истинность христианской доктрины среди других учений, то теперь она уже не нуждалась в защите. Истинность христианского вероучения, авторитет Римской церкви и института папства, устанавливающего свое верховенство в делах не только духовных, но и мирских, стали непреложными. Могущественная Церковь могла позволить себе воздействовать с позиции силы на тех, кто еще пытался оспаривать ее всеобъемлющую монополию, поэтому такой шаг в отношении еретиков стал закономерным следствием ее развития. Иннокентий III в своем послании

¹²² *Vicaire M.H.* Histoire de saint Dominique. Paris, 2004. P. 296-297.

архиепископу Оша призывал «любыми способами уничтожать ереси», чтобы эта «зараза не погубила умы верующих» и «не разрушила единство Вселенской церкви»¹²³.

Альбигойский крестовый поход 1209–1229 гг., решения IV Латеранского собора 1215 г. и учреждение инквизиционного трибунала для розыска еретиков и суда над ними знаменовали новый этап в борьбе Католической церкви с ересями. Это привело к тому, что антиеретические трактаты стали содержать в себе исключительно обличительные описания новых учений, особо выделяя их дьявольскую природу. Так, например, Цезарий Гейстербахский (ок. 1180 – ок. 1240), как и его современник Алан Лилльский, особо акцентировал внимание на связях еретиков с дьяволом: свои чудеса они совершают, будучи связанными с ним договором, считают его создателем мира, отвергают христианские таинства и оскверняют святыни. На этом основании немецкий монах относился одобрительно к народным самосудам над еретиками, смертным приговорам от светских властей и даже нашел оправдание резне, учиненной крестоносцами в Безье в 1209 г.¹²⁴ Таким образом, к середине XIII в. в умонастроениях образованных клириков прочно укореняется идея о необходимости радикального избавления от «скверны». При этом данная мысль являлась продуктом уже существовавшей на протяжении последних двух столетий политической воли Церкви и государства, склонной к критической нетерпимости к еретикам. Христианские деятели в этот период не стремились утвердить свое видение проблемы, а лишь обосновывали тот политический климат западноевропейского общества, который сложился к XIII в. в вопросе борьбы с еретическими учениями.

Наконец, во второй половине XIII в. точку в вопросе о том, как следует поступать с еретиками, поставил Фома Аквинский, теологически обосновав смертную казнь за принадлежность к ереси. Опровергая в схоластической

¹²³ Innocent III to the Archbishop of Auch in Gascony, 1198 // *A Source Book...* P. 209–210.

¹²⁴ *Caesarius of Heisterbach. The Dialogue on Miracles / Transl. by H. von E. Scott, C.C. Swinton Bland; Introd. by G.G. Coulton. New York, 1929. Vol. 1. P. 340–346.*

манере допущения о том, что к еретикам следует относиться снисходительно, терпеть их и наставлять, богослов проводил параллель с наказанием для фальшивомонетчиков: если чеканка фальшивых денег наказывается смертью, то «извращение веры, которой живет душа, является более тяжким преступлением... Поэтому если фальшивомонетки и некоторые другие преступники сразу же справедливо осуждаются светской властью на смерть, то тем более еретики, после уличения в ереси, должны сразу же не только отлучаться от церкви, но и с полным на то основанием предаваться смерти»¹²⁵. Возвращаясь к наставлению апостола Павла о необходимости дважды предпринять попытку вразумить еретика, Аквинат указывал в этом случае на «милосердие» Церкви, после которого должно следовать неотвратимое наказание по приговору светской власти. Прощать еретиков не «до семи, но до седмижды семидесяти раз»¹²⁶, невозможно, так как, во-первых, эти слова Христа относятся к прощению грехов против самого человека, но не против других людей или Бога, а во-вторых, это приведет к заблуждению еще большего числа людей в силу чувства безнаказанности¹²⁷. Физически же устранять еретиков необходимо с той целью, чтобы одна «искра» ложного учения не разожгла «пожар» ереси во всем мире. Не отрицая пользы еретических учений для укрепления веры, о чем говорил еще Тертуллиан, теолог подчеркивал, что эта польза «происходит независимо от намерений еретиков», следовательно, терпеть их не стоит¹²⁸. В этом суждении кроется идея Фомы Аквинского о том, что ереси естественны и непреходящи (подобно их сравнению с лихорадкой у Тертуллиана), поэтому они будут приносить «пользу» всегда, однако, как и любым другим бедствиям, им следует противостоять.

Вопрос о необходимых мерах в отношении еретиков тесно связывался с проблемой юрисдикции светской и духовной властей в трактате «Защитник

¹²⁵ *Фома Аквинский. Сумма Теологии. Т. V. Вторая часть Второй части. Вопросы 1–46 / Пер. с лат.; Под ред. Н. Лобковица, А.В. Апполонова. М., 2015. С. 144.*

¹²⁶ Мф. 18:22.

¹²⁷ *Фома Аквинский. Сумма Теологии. Т. V. Вторая часть Второй части. Вопросы 1–46. С. 147.*

¹²⁸ Там же. С. 145.

мира» Марсилия Падуанского. Он относил антиеретические законы к категории «божественных» (в противовес «человеческим»), поскольку наказание за них следовало в «будущей жизни», и судьей по этим делам считал только Бога¹²⁹. Тем не менее светский суд, по мнению Марсилия, был правомочен наказывать еретиков, если их преступление было направлено не против «теоретических или практических учений как таковых», но «против человеческого закона», то есть зафиксированных в законодательстве норм правомерного поведения. Духовные лица в делах о ереси могли и должны были выступать лишь как судьи в первом понимании Марсилием данного термина – оказывать экспертную консультацию в квалификации преступления судьям «в третьем значении» (светским, обладающим возможностью выносить приговор и обеспечивать его принудительное исполнение). При этом светская власть вольна самостоятельно решать, включать ли ересь – преступление против «божественного закона» – в «человеческий». В случае, если светское законодательство не предусматривало такой категории преступлений, то священники тем более не были правомочны наказывать еретиков и могли лишь в соответствии со своей функцией «судьи в первом значении» увещевать религиозных диссентеров¹³⁰. С одной стороны, теория Марсилия Падуанского ограждала еретиков от церковного суда, оставляя место и для невмешательства в эту категорию дел светской власти. Однако, учитывая, что антиеретические законы и правовые нормы действовали к началу XIV в. в большинстве государственных образований Западной Европы, действительная цель его рассуждений заключалась именно в обосновании светской юрисдикции над еретиками. Рассмотрение Марсилием этого вопроса в контексте государственно-церковных взаимоотношений свидетельствует о том, что определение принадлежности полномочий в борьбе с ересями к одной из властей являлось одним из принципиальных противоречий в их конфликте.

¹²⁹ *Марсилиус Падуанский*. Защитник мира. *Defensor pacis* / Пер. с фр. Б.У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М., 2014. С. 281.

¹³⁰ Там же. С. 302–313.

Таким образом, позиция христианских мыслителей по вопросу о допустимых мерах воздействия на еретиков претерпевала изменения на протяжении всего Средневековья. Апостольские наставления об относительной терпимости к религиозным диссидентам стали трактоваться иначе уже с середины II в. ввиду особого толкования Отцами Церкви текстов Священного Писания. Но все же главной до XI в. оставалась идея духовного воздействия на еретиков, реже – имущественного и физического, но не смертельного. К XIII в. в результате синтеза в общественном сознании понятий ереси и ведовства наказание еретиков смертью стало получать все большую поддержку и теологическое обоснование. Однако во все обозначенные периоды антиеретический дискурс видных христианских мыслителей соответствовал уже имеющейся практике борьбы с гетеродоксальными учениями со стороны светской власти. Поэтому ключевым стал вопрос о характере взаимоотношений Церкви и светских правителей в противодействии ересям, вписывавшийся в более широкую проблему определения границ юрисдикций «двух мечей».

Так или иначе вопрос о ереси часто сопровождал дискуссию о соотношении духовной и светской властей. В V в. папа Геласий I поднял эту проблему в связи со склонностью к гетеродоксии римского императора, заявив о верховенстве священников. В XI–XIII вв. светская власть рассматривалась христианами мыслителями в качестве орудия церковной воли в том числе в антиеретической борьбе. Бонифаций VIII приравнивал к еретикам всех, кто противился папской супрематии, то есть оставлял за папством и Церковью всю прерогативу решения данных вопросов, что спустя непродолжительное время вызвало обстоятельную критику со стороны Марсилия Падуанского. Все эти факты свидетельствуют о том, что к началу XIV в. проблема ересей стала в большей степени политической, чем духовной, а ее решение обе стороны стремились найти не только с помощью доктрины, но и законодательства.

ГЛАВА 2. БОРЬБА С ЕРЕСЯМИ КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ВЛАСТИ ПАПСТВА И СВЕТСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

2.1. Борьба с ересями как инструмент централизации власти папства и светских правителей (XI–XII вв.)

В период Высокого Средневековья в процессе попеременного упадка и возвышения двух властей Церковь постепенно отвоевывает и устанавливает свою юрисдикцию над «духовными» делами верующих, связанными с понятием греха и включающими в себя отношения по вопросам церковной собственности и преступлениям мирян против нее и клира; преступления против нравственности; вопросы брачно-семейных отношений; широкий спектр отношений, связанных с принесением клятвы и т. д.¹³¹ Однако одним из ключевых вопросов, решение которого было актуальным как для церковной, так и для светской власти и по сфере ведения которого между ними возникали противоречия, являлась ересь. По выражению Г.Дж. Бермана, попадание ереси под категорию и греха, и преступления против общества стало «вопиющим нарушением принципа разделения церковной и светской юрисдикции»¹³².

В раннем Средневековье верховное участие в рассмотрении редко возникавших дел о ереси принадлежало светской власти, что было продолжением римской традиции и согласовывалось с существовавшими представлениями о короле как о божественном наместнике. В Вестготском королевстве, согласно принятой в 654 г. королем Флавием Рецесвинтом (649–672) «Книге приговоров», причиной борьбы с ересями являлась необходимость сплочения готской правящей элиты, исповедовавшей арианство, и большинства католического испано-римского населения, следствием чего должно было стать укрепление власти самого короля – об

¹³¹ Берман Г.Дж. Указ. соч. С. 10.

¹³² Там же. С. 183–184.

этом прямо говорится в антиеретическом законе данного кодекса¹³³. Примечательно, что установленное в качестве одной из мер наказания за ересь изгнание не распространялось на клириков, что может свидетельствовать в частности о заинтересованности властных институтов в образованном духовенстве, но в целом указывает на установление светской юрисдикции над всеми подданными короля.

Другой пример – Франкское королевство, где велась борьба с возродившимся в последней четверти VIII в. на Иберийском полуострове адопцианством. Заинтересованность в предотвращении его распространения проявил сам Карл Великий, председательствовавший на двух поместных соборах (в 792 г. в Регенсбурге и в 794 г. во Франкфурте), осудивших лидера адопциан Феликса – епископа находившегося в Испанской марке Урхеля. Несмотря на исходившее от папы Адриана I (772–795) осуждение ереси, исследователи отмечают второстепенную роль папского авторитета в решении возникшей проблемы, поскольку многочисленные последователи адопцианства в среде епископов стремились к сохранению автономии испанских диоцезов от франкской церкви и папства¹³⁴, а мусульманское правительство этих территорий не вмешивалось в догматические споры между христианскими подданными¹³⁵. Участие светской власти в решении богословского вопроса вновь было связано с определением ее юрисдикции в границах королевства: на соборе 794 г., помимо осуждения ереси, ключевым стало возражение короля и франкского духовенства против решения II Никейского собора 787 г. о восстановлении иконопочитания, поддержанного в том числе и папой¹³⁶. Адриан I вынужден был принять положения Франкфуртского собора, осуждавшие византийское иконопочитание, фактически признав королевскую юрисдикцию в религиозных вопросах на

¹³³ Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 772.

¹³⁴ Корсунский А.Р. Религиозный протест в эпоху раннего Средневековья в Западной Европе // Средние века. 1981. № 44. С. 60.

¹³⁵ Шафф Ф. История христианской церкви. Том IV. Средневековое христианство. От Григория I до Григория VII (590–1073 г. по Р. Х.) / Пер. О.А. Рыбаковой. СПб., 2013. С. 320.

¹³⁶ Хэгерманн Д. Карл Великий / Пер. с нем. В.П. Котелкина. М., 2003. С. 324–325.

территории Франкии. Совместное выступление короля и папы против ереси было вызвано лишь соприкосновением их интересов в этом вопросе, но с совершенно различными целями. Для Карла разрешение богословского спора прежде всего продиктовывалось необходимостью укрепить власть в пограничных пиренейских владениях, население которых, как отмечает А.Р. Корсунский, в большей степени тяготело к мусульманской Испании¹³⁷.

В 1022 г. состоялся процесс над обвиненными в ереси священниками орлеанского храма Святого Креста, которые по указу Роберта II Благочестивого (996–1031) были приговорены к сожжению, что стало первым со времен падения Западной Римской империи случаем применения смертной казни к еретикам. Особое внимание к данному процессу связано также и с тем, что выявленные еретики были приближенными к королевскому двору, в том числе один из них являлся духовником королевы Констанции¹³⁸. Р.А. Ботье первым обратил внимание на политическую подоплеку этого дела: орлеанский диоцез располагался на границе владений короля Роберта II и графа Блуа Эда II, став, таким образом, ареной борьбы за светский контроль над епископской кафедрой между двумя могущественными феодалами Франции¹³⁹. Вероятно, инициировавший этот процесс граф Блуа стремился назначить орлеанским епископом своего ставленника, очернив королевского протеже и самого короля связью с еретиками, чем в свою очередь объясняется и нетипично жесткая для той эпохи реакция Роберта. Р.Я. Мур проследил конфликт между графом и королем в династической плоскости: партия сторонников графа Блуа стремилась использовать выявленных еретиков, один из которых был приближен к королеве Констанции, против нее, поскольку до брака с ней супругой Роберта была мать графа Эдо II Берта Бургундская¹⁴⁰. Обвиняя в

¹³⁷ Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 60.

¹³⁸ Moore R.I. The War on Heresy. P. 14.

¹³⁹ Bautier R.H. L'hérésie d'Orléans et le mouvement intellectuel au début du XIe siècle: documents et hypothèses // R.H. Bautier. Recherches sur l'histoire de la France médiévale: des Mérovingiens aux premiers Capétiens. Hampshire; Brookfield, 1991. P. 78–81.

¹⁴⁰ Moore R.I. The War on Heresy. P. 23–25.

ереси в том числе духовника нынешней королевы, эта политическая коалиция, вероятно, надеялась на восстановление положения Берты и, следовательно, укрепление статуса самого графа Блуа. Такие маневры могли быть возможны в условиях, когда власть Капетингов была еще в только в самом начале процесса своего становления и зачастую встречалась с попытками оказать на нее воздействие или даже оспорить ее легитимность со стороны крупных феодалов. Одновременно с этим папство, зависимое попеременно от императоров и римской аристократии, еще также не обладало достаточной силой и авторитетом, поэтому, как отмечает Ж. Дюби, французское духовенство, не имея защитника, отстранялось от короля и выстраивало свою самостоятельностью¹⁴¹. Фактор стремления Роберта II вернуть себе роль защитника Церкви, которую ожидали от своего короля современники¹⁴², необходимо учитывать и при выявлении причин участия светской власти в орлеанском процессе над еретиками. Папство в этот период выстраивало союз с империей и клюнийской конгрегацией, которая в свою очередь активно стремилась к освобождению монашества не только от власти короля, но и епископов¹⁴³. Поскольку образ германского императора как государя всего христианского мира конструировался активно, то «провинциальному» французскому королю требовалось оспорить свое периферийное положение и в какой-то степени заявить о «суверенитете», продемонстрировав верховенство в решении в том числе духовных вопросов в границах королевства.

Борьба с ересями в XI. продолжала вестись преимущественно силами государей. Так, например, в 1053 г. в Госларе герцогом Нижней Лотарингии Готфридом II была обнаружена группа еретиков, которые были доставлены императору Генриху III (1046–1056) и по его указу повешены¹⁴⁴. При этом

¹⁴¹ Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М., 2000. С. 121–122.

¹⁴² Taviani-Carozzi H. Une histoire «édifiante»: l'hérésie à Orléans en 1022 // Faire l'événement au Moyen Âge / Dir. de C. Carozzi, H. Taviani-Carozzi. Aix-en-Provence, 2007. P. 296–297.

¹⁴³ Дюби Ж. Указ. соч. С. 133.

¹⁴⁴ Ламберт Херсфельдский. Анналы / Пер. с лат. и комм. И.В. Дьяконова. М., 2013. С. 40.

есть основания предполагать, что под влиянием королевского решения о казни еретиков в Орлеане мера наказания их смертью становится прецедентом, однако выбор формы наказания, вероятно, пока продиктовывался лишь личной волей правителя. Э.П. Роуч и М. Ангеловская-Панова считают, что казнь госларских еретиков через повешение могла быть обусловлена их низким происхождением, либо же тем, что власть пока не придавала этой категории преступлений такой тяжести, как в последующие столетия¹⁴⁵. В любом случае разрешение духовной проблемы продолжало оставаться прерогативой именно светской власти, причем высшей – такой, как император. На территориях, где еще отсутствовали зачатки централизованной светской власти, радикальную борьбу с ересью вели епископы, как в случае с обнаруженными и казненными на рубеже 1030-х гг. еретиками замка Монфорте в Миланском диоцезе. Однако и здесь обращают на себя внимание политические мотивы антиеретического процесса. По замечанию Р.Я. Мура, миланский архиепископ Ариберт II (ок. 980–1045) стремился к укреплению собственного положения в епархии и мог рассматривать в итоге казненную графиню замка как конкурирующую силу: на смертном приговоре еретикам настаивали миланские капитанеи – светская вассально-зависимая от архиерея знать¹⁴⁶. Как и в орлеанском деле, процесс над еретиками в Монфорте явился одним из этапов противостояния местных властных элит, однако стоит отметить, что в последнем случае о юрисдикции по данной категории дел заявил представитель Церкви.

Начиная с XII в., вследствие григорианских реформ, открытого противостояния пап и императоров в споре за право инвеституры и в целом претензии папства на универсализм, Католическая церковь начинает выработку собственных канонических законов, направленных против ересей, в которых «светский меч» рассматривается как орудие наказания

¹⁴⁵ Roach A.P., Angelovska-Panova M. Op. cit. P. 159.

¹⁴⁶ Moore R.I. The War on Heresy. P. 40.

диссентеров. В 1119 г. на поместном соборе в Тулузе под председательством папы Каликста II (1119–1124) были сформулированы и провозглашены первые церковные законы против гетеродоксии. Осуждению подверглось широко распространившееся в Южной Франции учение Петра из Брюи (ок. 1117–1131), последователи которого «отвергали Евхаристию, крещение детей, священнические саны, а также рукоположение, брак и другие церковные таинства»¹⁴⁷. Перечень обвинений в отношении петробрюсиан свидетельствует о том, что эта ересь рассматривалась как угроза необходимости существования церковного института в принципе. В условиях, когда власть Каликста II подвергалась оспариванию со стороны антипапы Григория VIII (1118–1121), поддерживаемого императором Генрихом V (1111–1125), осуждение еретиков именно в этот период видится попыткой папы оградить себя от опасности хотя бы на одном из фронтов. Этим же канонам устанавливалась передача обвиненных в ереси лиц светским властям для наказания. Таким образом, Тулузский собор впервые установил церковную юрисдикцию над делами о ереси, отводя светской власти лишь роль исполнителя приговора. Иные каноны, посвященные осуждению симонии, занятия мирянами церковных должностей и практик перехода епископского имущества государям, также были обусловлены активной борьбой Церкви за свою независимость и, как уже видно, верховенство. Тем не менее на данном этапе папство пока еще не рассматривало проблему ересей как приоритетную: каноны I Латеранского (IX Вселенского – в признании Католической церковью) собора 1123 г., в том числе ратифицировавшего заключенный между папой и императором в 1122 г. Вормский конкордат, не содержали антиеретических норм. Наиболее значимой для папства сферой в соперничестве со светской властью за юрисдикцию являлось право инвеституры духовных иерархов.

¹⁴⁷ *Hefele C.J. von. Histoire des Conciles d'apres les documents originaux. Paris, 1912–1913. Vol. 5. P. 570.*

Антиеретические положения Тулузского синода получили высшую юридическую силу в 1139 г., дословно войдя в постановления созванного Иннокентием II (1130–1143) II Латеранского (X Вселенского) собора¹⁴⁸. Согласно вскоре созданному «Декрету Грациана» решения Вселенских соборов, санкционированных понтификом, были обязательными к исполнению всеми католиками на всех территориях под юрисдикцией Римской церкви. При этом обеспечение их реализации могло быть возложено и на «силы мирских властей»¹⁴⁹. Обстоятельства подтверждения антиеретических канонов на таком уровне во многом схожи с ситуацией, в которой оказался папа Каликст II двадцатью годами ранее: созыв II Латеранского собора стал для Иннокентия II необходимым шагом к легитимации своей власти после восьмилетней схизмы и противостояния с антипапой Анаклетом II (1130–1138). С другой стороны Церковь в целом и римский понтифик в частности вновь столкнулись с внешней угрозой в лице Арнольда Брешианского (ок. 1100–1155), активно выступавшего против притязаний «духовного меча» на светскую власть. Деятельность Арнольда привела к тому, что в середине 1140-х гг. в Риме была образована республика, ведущую роль в становлении которой играла местная аристократия, стремившаяся к установлению контроля над городом в обход папства¹⁵⁰.

Обвинение Арнольда Брешианского в ереси папой Адрианом IV (1154–1159) и его последующая казнь по указу Фридриха I в 1155 г. стали одними из немногочисленных примеров, когда «два меча» действовали в антиеретической борьбе почти в гармонии, хотя и со своими мотивами. Папе требовалась поддержка императора для того, чтобы вернуть себе утрачиваемые позиции в Риме, для Фридриха сотрудничество с папством было необходимым шагом на пути к коронации¹⁵¹. При этом, как отмечает М.

¹⁴⁸ The Tenth General Council (Second Lateran Council, 1139) // *Disciplinary Decrees of the General Councils: Text, Translation and Commentary* / Rev. by H.J. Schroeder. St. Louis; London, 1937. P. 210.

¹⁴⁹ *Иоанн Грациан*. Указ. соч. С. 255.

¹⁵⁰ *Moore R.I.* The War on Heresy. P. 158.

¹⁵¹ *Roach A.P., Angelovska-Panova M.* Op. cit. P. 162.

Пако, признание Фридрихом необходимости получения короны из рук понтифика вовсе не означало признания подчиненного положения императора¹⁵², являясь в большей степени, по будущей мысли Марсилия Падуанского, лишь констатацией факта его избрания князьями. Однако действия Фридриха были еще далеки от идей Марсилия: если последний будет делать акцент на народной воле как одном из источников императорской власти, то Барбаросса такое влияние подданных отрицал¹⁵³. Этим объясняется его отказ от политики так и не коронованного Конрада III (1138–1152) по сближению с римской коммуной, предлагавшей свое признание императора в качестве акта легитимации, против папства. В связи с этим у Фридриха имелись и собственные мотивы расправы над Арнольдом, заключавшиеся в, вероятно, ложной угрозе самостоятельного избрания императора римской аристократией¹⁵⁴. Однако совместные действия светского и духовного «мечей» в борьбе с тем, что они определяли как ересь, еще не имели прочной правовой основы: каноны Тулузского и II Латеранского соборов по всем перечисляемым признакам осуждали лишь одно учение, характерное для петробрюсиан, в то время как к середине XII в. количество распространившихся различных отклонений от католицизма выросло в разы; светское же законодательство пока не начало оформляться, и возникавшие ситуации разрешались, как и в Орлеане полутора веками ранее, волей правителя.

Активное развитие антиеретических мер в каноническом праве началось с постановлений, принятых на поместном соборе в Туре в 1163 г. под председательством папы Александра III (1159–1181): 4-й канон устанавливал запрет правоверным христианам принимать еретиков у себя в домах, оказывать им какую-либо помощь или предоставлять защиту, а также вступать с ними в имущественные правоотношения под угрозой анафемы и

¹⁵² Пако М. Фридрих Барбаросса / Пер. с фр. Т.Н. Редичкиной. Ростов-на-Дону, 1998. С. 111.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ См.: *Оль Ф.* Фридрих Барбаросса / Пер. с нем. И.О. Ермаченко, М.Ю. Некрасова. СПб., 2010. С.

обвинения в пособничестве ереси¹⁵⁵. Для самих еретиков, названных альбигойцами, в качестве наказания устанавливались конфискация имущества и тюремное заключение, что вновь требовало участия светской власти. Тем самым Церковь продолжала настаивать на необходимости соучастия двух властей в этом вопросе, при этом, по всей видимости, утвержденные меры должны были приниматься гражданскими властями даже в случае отсутствия соответствующих правовых норм в местных законодательствах. Так, по рассказам Цезария Гейстербахского, в том же году в Кельне после церковного суда светские власти приговорили к сожжению группу обвиненных в ереси¹⁵⁶. Хотя выбранная мера наказания расходилась с утвержденными на соборах, тем не менее «два меча» проявили предписанное им совместное действие.

Вступив в активное противостояние с императором Фридрихом Барбароссой, которое привело к очередной продолжительной церковной схизме в 1159–1177 гг., Александр III стремился к укреплению своей власти, установлению папской юрисдикции над широким спектром общественных отношений, а также поиску сторонников среди государей. Английский король Генрих II Плантагенет (1154–1189) принимал активное участие в подготовке синода в Туре. Для короля интерес в принятии мер, направленных против пособников и покровителей еретиков, заключался в возможности вывести обвиняемых из-под сеньориальной протекции. Р.Я. Мур замечает, что формулировка антиеретического канона Турского собора о запрете «оказывать еретикам какую-либо помощь или предоставлять защиту» намекала на вассала французского короля графа Тулузы Раймунда V (1148–1194), чьи земли, по мнению Церкви, в этот период стали основным очагом возникновения и распространения ересей¹⁵⁷. Английский король претендовал на Тулузское графство и в 1159 г. совершил поход, который окончился для него безрезультатно лишь благодаря непосредственной

¹⁵⁵ *Hefele C.J. von.* Op. cit. P. 971–972.

¹⁵⁶ *Caesarius of Heisterbach.* Op. cit. P. 341.

¹⁵⁷ *Moore R.I.* The War on Heresy. P. 188.

защите города Людовиком VII (1137–1180), являвшимся сюзереном как Раймунда, так и самого Генриха¹⁵⁸. В связи с этим обвинение графа в пособничестве еретикам не позволило бы впредь французскому королю оказать своему вассалу какую-либо поддержку.

С именем Генриха II связан и ближайший случай «отклика» светской власти на призыв Церкви к соучастию «двух мечей» в борьбе с ересями, который возможно проследить на уровне гражданского законодательства. Ок. 1165 г. на территории Англии были обнаружены прибывшие с континента еретики, судьбу которых решил созванный королем собор в Оксфорде: они были заклеены, высечены и изгнаны¹⁵⁹. В данном случае на выбор меры наказания мог повлиять прецедент Реймского собора 1148 г., когда еретический проповедник Эон де л'Этуаль был приговорен к тюремному заключению, а последователей ересиарха предписывалось клеймить, лишать имущества и изгонять¹⁶⁰. В 1166 г. король при поддержке прелатов издал Кларендонскую ассизу, в 21-й пункт которой вошел запрет принимать у себя и оказывать поддержку «кому-либо из секты тех ренегатов, которые были отлучены от церкви и заклеены в Оксфорде» под угрозой королевского наказания и разрушения жилища. Ответственность за соблюдение данного пункта ассизы возлагалась на королевских чиновников и феодалов¹⁶¹.

Установленные ассизой меры коррелируют с антиеретическим каноном Турского собора, что позволило ряду исследователей рассматривать их как прямое следование королевской власти папским установлениям в виду необходимости Генриха II проявить свою роль защитника Церкви после конфликта с архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом¹⁶². Однако

¹⁵⁸ Уикхем К. Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации / Пер. с англ. М. Десятовой. М., 2022. С. 33–34.

¹⁵⁹ Вальтер Ман. Указ. соч. С. 52.

¹⁶⁰ Roach A.P., Angelovska-Panova M. Op. cit. P. 161.

¹⁶¹ Кларендонская ассиза // Памятники истории Англии XI–XIII вв. Русский и латинский тексты Великой Хартии вольностей и других документов / Пер. и введ. Д.М. Петрушевского. М., 1936. С. 62.

¹⁶² Лу Г.Ч. История инквизиции в Средние века: в 2 т. / Под ред. С.Г. Лозинского; пер. с фр. А.В. Башкирова. СПб., 1911. Т. 1. С. 74; Дунаев А.Л. Булла «Ad extirpanda» 1252 года и ее роль в борьбе

все же необходимо воспринимать данное положение в контексте общего духа ассизы, а также принятых двумя годами ранее Кларендонских конституций (1164 г.). Оба акта были направлены на расширение королевской юрисдикции: в первом случае – на изъятие широкого круга дела из-под ведения феодальных судов, во втором – церковных. Таким образом, Кларендонские конституции и ассизы наделяли короля функцией высшей судебной инстанции по делам всего населения королевства, независимо от его корпоративной и сословной принадлежности. На вопрос о том, почему первые известные гражданские нормы против ереси вошли не в более ранний «антиклерикальный» (1164 г.), а в последующий «антифеодальный» (1166 г.) правовой акт, возможно ответить двумя предположениями. С одной стороны, это объяснимо тем, что группа еретиков была выявлена после принятия Конституций, из чего следует и прецедентный характер самой антиеретической нормы Ассиз. Возможно, до тех пор, пока диссентеризм не угрожал непосредственно Английскому королевству, считались достаточными меры, установленные Церковью на Турском соборе. С другой стороны, мотивы вывести обвиняемых в ереси из-под патронажа, которые побуждали Генриха II к поддержке папских решений в 1163 г., могли быть перенесены и на вассалов самого короля, еще сохранявших полученные в результате Анархии 1138–1153 гг. широкие привилегии. С учетом наметившегося отхода королевской власти от любого влияния со стороны папства апеллировать в таких случаях к церковному праву было бы невозможно, поэтому требовалось принятие «национальных» антиеретических норм.

Для самого Генриха юридическая и фактическая борьба с ересями являлась также выражением той роли, которая ожидалась от короля интеллектуальным сообществом. Иоанн Солсберийский (1115/1120–1180), автор «Поликратика» (1159 г.) – одного из первых европейских политических

католической церкви с еретиками // Средние века. 2010. № 71 (1–2). С. 206; Moore R.I. The War on Heresy. P. 180.

трактатов – предостерегал светского правителя от засилья при дворе «дьявольских слуг», в том числе колдунов, которые способны отвратить государя от его предназначения выступить воплощением и наместником Бога на земле, превратить его в тирана¹⁶³. Как уже отмечалось, на рубеже XII–XIII вв. постепенно все более происходит слияние категорий «ересь» и «колдовство», поэтому и избавление от еретиков/колдунов, особенно имевших доступ к держателю власти, являлось функцией, которую был обязан осуществлять добродетельный правитель. Вальтер Мап, будучи одним из ближайших сподвижников Генриха II, ставил своему королю в особую заслугу наказание прибывших в Англию еретиков, рассказывая о творимых последователями этого учения чудесах, имевших дьявольскую природу¹⁶⁴. Таким образом, наличие среди королевских приближенных лиц, подозреваемых даже лишь на уровне слухов в причастности к ереси, могло нанести существенный урон авторитету и статусу правителя. Те же мотивы борьбы с еретиками прослеживаются еще в орлеанском деле: процесс 1022 г. над приближенными к королю был схож с колдовским, в том числе по статьям обвинений, а радикальное вмешательство в него Роберта II позволило государю отмежеваться от любых связей с колдунами¹⁶⁵.

Таким образом, принимая первые светские законы против еретиков, Генрих II проводил в том числе политику по обособлению от папства и укреплению своей власти над подданными. Однако закрепленное верховенство короля в церковных делах оказалось недолгим: в 1172 г., спустя два года после убийства Томаса Бекета и наложения папой интердикта на Англию, Генрих был вынужден покаяться и отменить большинство положений Кларендонских конституций¹⁶⁶. Принятая в 1176 г. Нортгемптонская ассиза, расширявшая Ассизу 1166 г. в сфере королевской юрисдикции, не содержала каких-либо положений о наказании за ересь:

¹⁶³ Тогоева О.И. Короли и ведьмы. Колдовство в политической культуре Западной Европы XII–XVII вв. М.; СПб., 2022. С. 19–21.

¹⁶⁴ См.: Вальтер Мап. Указ. соч. С. 51–53.

¹⁶⁵ Moore R.I. The War on Heresy. P. 28–29.

¹⁶⁶ Штокмар В.В. История Англии в Средние века. СПб., 2005. С. 58.

первая антиеретическая норма в светском законодательстве Англии так и осталась направленной на конкретный прецедент. В XIII–XIV вв. борьба с гетеродоксальными учениями на территории королевства велась согласно нормам канонического права при помощи светских властей, как того требовали постановления соборов, однако случаи юрисдикционных споров между двумя властями все же встречались¹⁶⁷. К началу XV в. в Англии сложилась система, при которой действия Церкви по борьбе с ересями строго контролировались королевской властью, хотя Рим имел множество прерогатив в других церковных вопросах¹⁶⁸.

Укрепляя собственное положение после восемнадцатилетней схизмы и примирения с Фридрихом Барбароссой, Александр III в 1179 г. на III Латеранском (XI Вселенском) соборе продолжил побуждать «светский меч» к действиям против еретиков под руководством Церкви: 27-й канон устанавливал, что «хотя церковная дисциплина ограничивается духовными приговорами и не предусматривает пролития крови, однако поддерживается она законами католических князей»¹⁶⁹. Главным нововведением в антиеретической политике Церкви стало объявление против диссентеров крестового похода – формы военно-религиозной борьбы, которую ранее церковь применяла лишь к мусульманам в Святой земле и к язычникам славянам. Организация похода возлагалась на епископов, которые в случае недостаточного усердия могли быть лишены своего сана. Христиане, которые отказывались «повиноваться увещаниям епископов» присоединиться к священной войне, лишались возможности совершать Причащение. Для того, чтобы стимулировать правоверных к «защите христианства с оружием в руках», канон устанавливал, что все, кто был связан вассальными или повинностными отношениями с уличенным в ереси или пособничестве ей, освобождались от присяги или обязательств.

¹⁶⁷ См.: *Forrest I. The Detection of Heresy in Late Medieval England. Oxford, 2005. P. 33–36.*

¹⁶⁸ Минеева Т.Г., Романовская В.Б. Парламентский статут о наказании еретиков в средневековой Англии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 2. С. 254, 256.

¹⁶⁹ The Eleventh General Council (Third Lateran Council, 1179) // *Disciplinary Decrees of the General Councils. P. 234–235.*

Со стороны светской власти каноном предписывалось лишать еретиков и их пособников имущества и личной свободы, таким образом, принятые Турским собором 1163 г. меры получили высшую юридическую силу.

По итогам Веронского собора, созванного в 1184 г. Луцием III (1181–1185) при поддержке Фридриха I, папой была издана булла «Ad abolendam», ужесточившая ответственность светских лиц, которые не оказывали должного усердия в избавлении католической ойкумены от ереси. Историки считают, что императором также было провозглашено аналогичное имперское уложение, текст которого до настоящего времени не сохранился¹⁷⁰. Согласно булле, каждое лицо, наделенное властными полномочиями, обязывалось давать клятву приводить в исполнение решения Церкви и имперские постановления по данному вопросу¹⁷¹. В случае отказа или бездействия на власть имущего накладывалась анафема, а на его владения – интердикт. Сопротивление городов указанным постановлениям также наказывалось отзывом из города его епископа. Самим епископам вменялись в обязанность ежегодные объезды своих диоцезов с целью вербовки «добропорядочных католиков», которые должны были сообщать о подозреваемых в ереси лицах, что стало зарождением инквизиционной формы судопроизводства в отношении еретиков. Недостаточное усердие могло стоить епископам лишения сана на трехлетний срок. Эти меры, в конечном итоге, были направлены на то, чтобы побудить все слои средневекового общества активно включиться в борьбу с религиозными диссидентами под страхом потери собственного положения и привилегий.

В теории для папства усиление ответственности епископов и светских правителей за недостаточную активность в деле поиска и наказания еретиков становилось еще одним шагом к централизации церковного управления. Однако, как отмечает М. Ламберт, на деле механизм установленного инквизиционного судопроизводства был малоэффективен в связи с

¹⁷⁰ Пако М. Указ. соч. С. 282–283; Hefele C.J. von. Op. cit. P. 1126.

¹⁷¹ Pope Lucius III: The Decretal Ad Abolendum, 1184 // Heresy and Authority in Medieval Europe: Documents in Translation / Ed. by E. Peters. Philadelphia, 1980. P. 172.

архаичностью процедуры доказывания и зависимостью от степени терпимости к еретикам местного населения в отдельном регионе¹⁷². Для Фридриха I принятая совместно с Луцием III булла обычно рассматривается как единственный и малозначительный компромисс, которого удалось достичь в результате их переговоров о принадлежности спорных территорий в Северной Италии и возможности короновать сына Фридриха Генриха как императора¹⁷³. Тем не менее есть основания считать, вслед за П. Дилем, что принятые антиеретические законы оказались выгодны императорам в перспективе¹⁷⁴. Констанцский мир (1183 г.), завершивший войну Фридриха с первой Ломбардской лигой, содержал пункт, согласно которому за императором закреплялось право осуществлять инвеституру городских консулов лично или через вассалов-епископов¹⁷⁵. В связи с положениями буллы «Ad abolendam», утверждавшими обязанность должностных лиц оказывать епископам поддержку в антиеретической борьбе¹⁷⁶, возникала возможность императора воздействовать на консулов через связанных с ним прелатов, а также отзывать консульскую инвеституру в случае их бездействия. Кроме того, булла устанавливала, что в вопросе противодействия ересям все субъекты, находящиеся под юрисдикцией Апостольского Престола, должны были подчиняться власти епископов. Таким образом, в городах, где епископ являлся держателем императорских ленов, выстраивалась властная вертикаль, позволявшая императору оказывать некоторое влияние на коммунальную политику. Преемник Фридриха Генрих VI (1191–1197) активно использовал антиеретические законы во время своего сицилийского похода 1194–1195 гг. для того, чтобы обосновать императорское вмешательство в дела ряда итальянских городов, а

¹⁷² Lambert M. *Medieval Heresy. Popular Movements from the Gregorian Reform to the Reformation*. Oxford; Cambridge, 1992. P. 67.

¹⁷³ Пако М. Указ. соч. С. 282; Lambert M. *Op. cit.* P. 66.

¹⁷⁴ Diehl P.D. Henry VI, Heresy and the Extension of Imperial Power in Italy // *Plenitude of Power. The Doctrines and Exercise of Authority in the Middle Ages: Essays in Memory of Robert Louis Benson* / Ed. by R.C. Figueira. Farnham, 2006. P. 39.

¹⁷⁵ The Peace of Constance, January 25, 1183 // *A Source Book...* P. 201.

¹⁷⁶ Pope Lucius III... P. 173.

также в противовес Целестину III (1191–1198) продемонстрировать свою роль защитника местных церквей даже в находящихся под папской юрисдикцией диоцезах¹⁷⁷. Все это согласовывалось с буллой «Ad abolendam» и внешне представляло императора как светского слугу «духовного меча».

Подводя итог становлению и развитию мер по борьбе с ересями на первом этапе в XI–XII вв., возможно заключить, что общим для всех участвовавших в этом процессе субъектов являлось стремление к внутренней централизации властных структур. Несмотря на то, что уже в этот период стали проявляться тенденции к установлению господства двух властей друг над другом, обусловленные общим процессом противостояния Церкви и государственных образований за юрисдикцию, их антагонистический характер в аспекте антиеретической борьбы пока еще был скрытым. Для папства в условиях череды внутрицерковных расколов противодействие ересям было способом обезопасить власть от «внешнего» посягательства и упрочить свое верховенствующее положение в церковной иерархии. Постепенно достигая этой цели, папы начинают рассматривать светскую власть как материальное орудие осуществления интересов Церкви, что ярко проявилось в решениях III Латеранского собора 1179 г. Тем не менее и после этого продолжала сохраняться внешняя «симфония двух мечей» в противодействии ересям, продемонстрированная в совместных решениях папы и императора по итогам Веронского собора 1184 г.

Римские императоры, в попытках сохранить сложившееся к XI в. верховенство в том числе и в церковных вопросах, стремились к установлению с помощью антиеретических мер контроля над спорными областями Северной и Центральной Италии, но явно не выражая в этом свое противодействие папской власти. Такое же поведение было характерным и для французских королей, возродивших в Европе активную практику наказания последователей гетеродоксальных учений: в условиях децентрализованности им требовался инструмент легитимации королевской

¹⁷⁷ Diehl P.D. Op. cit. P. 41–43.

власти. Предпринятая королем Англии в 1160-х гг. попытка не только расширить пределы светской юрисдикции, но и фактически вывести церковь из-под влияния папства оказалась слишком преждевременной, однако уже продемонстрировала зарождение суверенизационных процессов, которые станут характерными в XIII–XIV вв. в связи с началом оформления национальных государств.

2.2. Развитие антиеретического законодательства в Европе в условиях противостояния пап и светских государей (XIII в.)

На рубеже XII–XIII вв. обоснование необходимости борьбы с ересями со стороны духовной и светских властей выходит на совершенно иной уровень, становясь уже не следствием, а одним из факторов продолжения конфликта юрисдикций. Если в предыдущий период принятие антиеретических правовых норм объяснялось необходимостью укрепления церковной дисциплины, опасностью, исходившей из того, что еретики отрицают церковные таинства или же имеют прямую связь с дьяволом, то с этого времени не только государи, но и папство прямо заявляют о том, что ересь – это преступление против самой власти.

Еще одним государственным образованием, принявшим в конце XII в. гражданское законодательство против ересей, стало королевство Арагон. В 1194 г. король Альфонсо II (1162–1196) издал Льеидский эдикт против вальденсов, в котором ересь впервые в истории постримской Европы приравнивалась к «преступлению оскорбления величия» (*criminis laesae maiestatis*)¹⁷⁸. Хотя закон прямо не устанавливал меру наказания, согласно римскому праву, такая категория преступления влекла за собой смертную казнь. Еретикам предписывалось покинуть королевство не позднее «дня, следующего за Днем Всех Святых» (то есть 2 ноября), в противном случае любой встретивший еретика безнаказанно мог употребить в его отношении

¹⁷⁸ Edictum regis Idefonsi contra haereticos valdenses ut exeant de regno suo // Nicolai Eymerici. Directorium inquisitorum. Romae, 1587. P. 281.

все виды дурного обращения, кроме нанесения увечий и причинения смерти. Таким образом, еретики выводились из пределов королевской защиты, а их угнетение со стороны правоверных подданных поощрялось «королевской милостью». В то же время правоверным запрещалось слушать проповеди еретиков, давать им пищу и убежище под угрозой лишения имущества и тех же наказаний.

В 1198 г. Педро II (1196–1213) Жиронским эдиктом повторил и ужесточил антиеретические меры указа своего предшественника: еретики подлежали сожжению, а их имущество, треть из которого получал тот, кто выдал еретика властям, конфисковывалось в пользу казны¹⁷⁹. Владельцам замков, укрывших у себя еретиков, предписывалось выдать их королевским чиновникам в течение трех дней с момента оглашения указа в данной округе. В противном случае все жители должны были отправиться во владения феодала, не неся никакой ответственности за нанесенный в них ущерб, для поимки еретиков, а уклонение от участия в походе без уважительной причины наказывалось штрафом в размере 20 золотых монет. Чиновники, ответственные за организацию такого похода, за неисполнение своей обязанности лишались имущества, а в случае отказа принести епископу клятву исполнять королевский указ получали штраф в 200 золотых монет.

Таким образом, указы арагонских королей устанавливали, помимо связи ереси с «оскорблением величия» и смертных наказаний, широкий спектр мер имущественного характера, а также распространяли королевскую юрисдикцию в этом вопросе на феодальные владения. Невозможно согласиться с мнением П. Краса, что принятые нововведения в этой части были унаследованы от вестготской традиции¹⁸⁰: несомненно, законодательство варварских королей было известно на Пиренеях и во многом даже активно функционировало, однако, как уже было отмечено,

¹⁷⁹ In quo Petrus Aragonum Rex Constitutionem edidit adversus haereticos. Anno Christi MCXCVII // *Collectio maxima conciliorum omnium Hispaniae et novi orbis*. Romae, 1693. T. 5. P. 102–103.

¹⁸⁰ *Kras P. The System of the Inquisition in Medieval Europe / Transl. from Polish by M. Panz-Sochacka*. Berlin, 2020. P. 390.

никаких смертных наказаний, как и возведения ереси в статус государственных преступлений оно не содержало¹⁸¹. Более вероятно, что возникновение этих идей совпало с началом рецепции римского права, проникавшего в Каталонию из Болоньи¹⁸². Однако в силу политических факторов обратить расширение прерогатив короны для укрепления ее суверенитета удалось лишь в долгосрочной перспективе: в 1204 г. Педро II принес вассальную клятву Иннокентию III, получив, таким образом, королевство уже в качестве папского лена. Мотивы принятия арагонским королем антиеретических законов в связи с добровольным отказом от своих суверенных прав остаются до конца не ясными¹⁸³. Представляется, что для Педро II финансовый аспект в борьбе с ересями являлся ключевым, что в дальнейшем еще будет находить подтверждение в мерах имущественного характера, предпринимаемых королем в отношении отлученных от церкви лиц¹⁸⁴. В 1206 г. Иннокентий III в своем послании арагонскому королю особо указывал, что предоставляет ему право владения всем имуществом еретиков¹⁸⁵, несмотря на то, что королевские эдикты однозначно определяли передачу большей части их имущества в казну. Этим также объясним отказ в Жиронском эдикте сопоставления ереси и «оскорбления величия», т. к. папа, явно не принявший бы такую формулировку в качестве обоснования борьбы

¹⁸¹ См.: *Горобец А.С.* Антиеретическое законодательство как элемент преемственности в праве средневековой Испании // История мировых цивилизаций. Религиозные теории и практики в социально-политических и культурных процессах: материалы XV Всероссийской научной конференции. Красноярск, 30 ноября 2020 г. / Отв. ред А.Г. Канаев; ред. кол. Красноярск, 2021. С. 5–9.

¹⁸² *Smith D.J.* Crusade, Heresy and Inquisition in the Lands of the Crown of Aragon (c. 1167–1276). Leiden; Boston, 2010. P. 175.

¹⁸³ Например, А.Г. Лапшин предлагает рассматривать их в плоскости сеньориальных отношений, сложившихся между короной и папством с конца XI в.: королевское законодательство являлось конкретизацией и расширением законодательства Церкви, т. к. традиционно приносившие присягу папству правители Арагона попадали под его юрисдикцию (*Лапшин А.Г.* Становление антиеретического законодательства в Европе XII–XIII вв. // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 4 (21). С. 207). Э. Дженкинс, разделяя схожесть взглядов Педро II и Иннокентия III на проблему ересей, указывает, что предшественники Педро все же принимали лишь помазание, и только он совместил этот обряд с принесением папе вассальной клятвы (См.: *Jenkins E.E.* The Mediterranean World of Alfonso II and Peter II of Aragon (1162–1213). New York, 2012. P. 39–41). И.И. Варьяш утверждает, что подобный акт не был характерен для арагонской феодальной традиции и встретил возмущение знати и городов, а мотивы короля отказаться от своего верховенства связаны с желанием получить от папы поддержку в противостоянии с Тулузским графством, а также помощь в подготовке экспансии на Мальорку (*Варьяш И.И.* Каталония и Арагон в XI–XIV вв. // История Испании. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. М., 2012. С. 277).

¹⁸⁴ См.: *Smith D.J.* Op. cit. P. 177–182.

¹⁸⁵ Confiscation on the Property of Heretics. Innocent III to the King of Aragon, 1206 // A Source Book... P. 211.

с гетеродоксией, уже в тот момент мог рассматриваться королем как один из немногих спонсоров его политических амбиций. Тем не менее, несмотря на передачу Арагона под патронаж римского понтифика, Жауме I (1213–1276) в период своего правления удалось фактически поставить папскую инквизицию на службу королевским интересам, активно используя ее в качестве инструмента извлечения политических и особенно экономических выгод¹⁸⁶. В том числе этот фактор способствовал возможности Педро III (1276–1285) в 1276 г. высвободиться из-под папского сюзеренитета и, не опасаясь отлучения, принять корону Сицилии (также папского лена) в ходе Войны Сицилийской вечерни 1282–1302 гг., а кроме того стал основой организации в конце XV в. королевской инквизиции в объединенных Арагоне и Кастилии.

Введенная в правовой оборот Альфонсо II категория *criminis laesae maiestatis* в отношении ереси в дальнейшем активно использовалась как в светском, так и церковном законодательстве. В 1199 г. Иннокентий III (1198–1216) издал буллу «*Vergentis in senium*», в которой подтвердил установленные ранее санкции против еретиков (конфискацию имущества, лишение права занимать должности и т. д.), но самое главное – развил обоснование применения к ним высшей меры наказания: если светские законы устанавливают такую меру за «оскорбление временного величия» (*laedere temporalem maiestatem*), то оскорбление «величия вечного» (*aeternam maiestatem*) должно наказываться не менее строго¹⁸⁷. Не называя прямо способ наказания, булла, очевидно, ссылалась на эдикты арагонских королей. Таким образом, в данном случае церковное законодательство следовало за светским, но в то же время превосходило его, относя ересь к преступлениям против Бога. Поскольку, как уже отмечалось, к началу XIII в. римский понтифик официально провозглашался «викарием Христа», то ересь

¹⁸⁶ См.: *Smith D.J.* Op. cit. P. 202–209.

¹⁸⁷ *Die Register Innocenz' III // Publikationen des Österreichischen Kulturinstituts in Rom. 2. Abteilung: Quellen. 1. Reihe / Bearb. von O. Hageneder, W. Maleczek, A.A. Strnad. Rom; Wien, 1979. Bd. 2. 2: Pontifikatsjahr, 1199–1200: Texte. S. 4.*

напрямую связывалась с «оскорблением» папской власти. При этом следует отметить, что булла повышала строгость наказания в сравнении с римским законодательством: если эдикты императоров против манихеев 381 г. и 407 г., приравнявших преступления против государственной религии к «оскорблению всех», разрешали передачу имущества еретиков их ближайшим правоверным родственникам по закону¹⁸⁸, то папская булла исключала детей еретика из наследования, а их жизни сохраняла только из «милосердия».

Растущая политизация идеи очищения христианской ойкумены от религиозных отклонений в конечном итоге привела к продолжительной и жестокой феодальной войне в Южной Франции, вошедшей в историю как Альбигойский крестовый поход 1209–1229 гг. В событиях этой кампании сталкивались интересы и противоречия многих субъектов европейской политики того периода: папства, королей Франции и Арагона, их вассалов в землях Лангедока и Окситании. Причины, цели, события и результаты альбигойских войн активно продолжают исследоваться историками, поэтому в данной работе имеет смысл остановиться лишь на некоторых аспектах взаимоотношений между светской и духовной властями в этот период.

Несмотря на встречающиеся попытки современных исследователей явно идеализировать понтификат Иннокентия III, практически вычеркнув из его характеристики всю политическую составляющую¹⁸⁹, представляется возможным взять за основу выдвинутую еще в начале XX в. позицию А. Люшера: преследуя в организации крестового похода против еретиков, безусловно, интересы укрепления власти римского понтифика, Иннокентий III не сумел создать эффективный механизм папского контроля за деятельностью всех участников этого движения, который позволил бы не

¹⁸⁸ Меланченко И.В. Указ. соч. С. 54–55.

¹⁸⁹ Например, Ж. Сивери утверждает, что вмешательство папы в светские дела было вызвано лишь необходимостью поддержания в христианском обществе мира, стабильности и нравственности и всегда прекращалось с достижением этой цели (См.: Сивери Ж. Филипп Август / Пер. с фр. М.В. Степанова. СПб.; М., 2018. С. 176–179).

допустить начавшегося своеволия¹⁹⁰. Эта позиция подтверждается в том числе свидетельствами современников: на IV Латеранском (XII Вселенском) соборе 1215 г., когда крестовый поход уже превратился в разорительную войну между феодалами, папа, стремясь вернуть церковный контроль над мероприятием, пытался возратить ряд окситанских земель, захваченных графом Лестера Симоном IV де Монфором (1204–1218), их законным сеньорам – графам де Фуа и де Комменж, однако встретил сопротивление южнофранцузских прелатов¹⁹¹. Монфор получил во владение Тулузу и другие территории.

Сам граф де Монфор на первых этапах завоевательной кампании стремился снискать поддержку местного духовенства и проявить себя защитником интересов Церкви и папства. В 1212 г. он собрал ассамблею в Памьере, которая утвердила статуты, направленные главным образом на «офранцузивание» Лангедока, закрепление за Монфором и его сторонниками всей полноты власти, а также предоставление Католической церкви в лице как клириков, так и самого папы широких привилегий¹⁹². Благодаря взаимовыгодному сотрудничеству «двух мечей», почти любые действия графа находили оправдание и поддержку прелатов¹⁹³. Тем не менее, когда в 1216 г. между графом и папским легатом Арнольдом Амальриком, ставшим к тому моменту архиепископом Нарбонны, возник конфликт по

¹⁹⁰ Люшер А. Иннокентий III и альбигойский крестовый поход / Пер. с фр. М.Ю. Некрасовой. СПб., 2017. С. 261.

¹⁹¹ Песнь о крестовом походе против альбигойцев / Издание подгот. И.О. Белавин, Е.В. Морозова. М., 2011. С. 97–107. Видный апологет альбигойского крестового похода Пьер де Во-де-Серне также отмечал попытки Иннокентия III в 1213 г. ограничить завоевательные амбиции Монфора и заставить его вернуть графам их земли, однако, по мнению хрониста, это было вызвано тем, что понтифика относительно их невиновности ввел в заблуждение король Арагона (*Pierre de Vault-Cernay. Histoire de l'hérésie des Albigeois et de la sainte guerre entreprise contre eux (de l'an 1203 à l'an 1218)* // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France depuis la fondation de la monarchie française jusqu'au 13e siècle / Par M. Guizot. Paris, 1824. Vol. 14. P. 255–257). Впрочем, З.С. Ольденбург трактует эти жесты как лицемерие с целью смягчить папскую ответственность за «ущемление общественного права в интересах диктатуры Церкви» (*Ольденбург З.С. История альбигойских крестовых походов* / Пер. с фр. О.И. Егоровой. СПб., 2017. С. 165).

¹⁹² См.: *Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени*. М., 2000. С. 320–327.

¹⁹³ *Горобец А.С. Образ Симона IV де Монфора в воспоминаниях современников* // История мировых цивилизаций. Общественные процессы в антропологическом измерении: материалы XIV Всероссийской научной конференции с международным участием. Красноярск, 20 ноября 2019 г. / Отв. ред А.Г. Канаев; ред. кол. Красноярск, 2019. С. 119.

поводу верховенства власти в городе, Монфор сумел насильно добиться подчинения себе своего бывшего сподвижника и духовного лидера похода¹⁹⁴.

Непоследовательной и осуществляемой с выгодой для собственных интересов была политика двух монархов, принимавших участие в войнах в Лангедоке. Король Арагона Педро II, как уже отмечалось, в целом был одним из немногих, кто в большей степени принимал свою функцию орудия церковной политики в отношении борьбы с ересью. Однако в разгар кампании, столкнувшись с внутренним конфликтом между ролями защитника папских интересов и суверена, стремившегося сохранить влияние в регионе, король решил оказать поддержку своему вассалу графу Тулузы Раймунду VI (1194–1222) и правителям Фуа и Комменжа, выступив на стороне лиц, обвиняемых в пособничестве ереси, в битве при Мюре 1213 г.

Король Франции Филипп II Август (1180–1223) избегал прямого участия в конфликте и уклонялся от неоднократных требований Иннокентия III взять на себя руководство походом. Несмотря на кажущиеся прямые интересы французской короны в Окситании, которые должны были сподвигнуть монарха к непосредственным действиям, исследователи всех историографических традиций сходятся во мнении, что Филипп рационально оценивал недостаток собственных сил для участия в этом мероприятии в условиях войны с Англией и Священной Римской империей¹⁹⁵. Перестройка потестарной организации и смена политических элит на Юге, предотвращение угрозы расширения Арагонской короны были осуществлены силами французских феодалов таким образом, что в конечном итоге главным бенефициаром всех выгод Альбигойских войн стала именно монархия Капетингов. В 1224 г. наследник Симона де Монфора передал тулузские земли Людовику VIII (1228–1226), который в 1226 г. лично возглавил поход с целью их покорения. В 1229 г. между графом Тулузы Раймундом VII (1222–1249) и королем Людовиком IX (1226–1270) был заключен Парижский

¹⁹⁴ *Ольденбург З.С.* Указ. соч. С. 170–171; *Люшер А.* Указ. соч. С. 262.

¹⁹⁵ *Люшер А.* Указ. соч. С. 132; *Сивери Ж.* Указ. соч. С. 187; *Moore R.I.* The War on Heresy. P. 245.

договор, по условиям которого дочь и единственная наследница графа Жанна выходила замуж за брата короля Альфонса де Пуатье: в 1271 г. после смерти бездетных супругов Лангедок окончательно отошел во владения французской короны.

Для укрепления положения Церкви в Окситании была учреждена папская инквизиция, которая тем не менее использовалась и для расширения прерогатив монарха на присоединенных территориях. Так, например, 9-й пункт решений Тулузского собора 1229 г. устанавливал возможность сеньоров производить розыск еретиков во всех землях королевства, независимо от юрисдикции над ними того или иного феодала¹⁹⁶. Хотя отдельно и оговаривалась возможность Тулузского графа действовать в этой связи на территории королевского домена, равно как и наоборот, этим положением, прежде всего, юридически закреплялась возможность вмешательства короля в дела формально еще самостоятельного Лангедока. Как отмечает Ю.П. Малинин, Людовик IX в отношениях с духовенством и папством успешно отстаивал свое верховенство и суверенитет, сделав Церкви лишь «одну большую уступку» в том, что учредил во Франции инквизицию¹⁹⁷. Исследователь считает, что постепенное перенятие королевскими судебными органами всех недостатков инквизиционного судопроизводства нанесло ущерб светской процессуальной системе¹⁹⁸. Однако представляется возможным благоприятно оценить значение этого института в укреплении королевской власти на первых этапах становления централизованного французского государства. Как и в случае с Арагоном при Педро II и Жауме I борьба с ересями с помощью инквизиционных трибуналов способствовала росту экономического благосостояния монархии: антиеретические положения, внесенные, например, в такие сборники норм обычного права, как «Обычаи Турени и Анжу», включенные в «Уложения

¹⁹⁶ Hefele C.J. von. Op. cit. P. 1497.

¹⁹⁷ Малинин Ю.П. Людовик Святой // Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофранц. Г.Ф. Цыбулько, под ред. А.Ю. Карачинского, науч. ред. пер. Ю.П. Малинин. СПб., 2018. С. 236.

¹⁹⁸ Там же. С. 238.

святого Людовика» (ок. 1272 г.), или «Кутюмы Бовези» (ок. 1282 г.), определяли в качестве наказаний, помимо сожжения, конфискацию имущества осужденного в пользу светского сеньора¹⁹⁹. В то же время в установлении внутреннего суверенитета король еще встречал феодальное противодействие: «Кутюмы Бовези» в отношении дел о ереси не отражали над ними исключительной юрисдикции королевской власти²⁰⁰, разделяя ее с феодалами в соответствии с принципом «каждый барон есть суверен в своей баронии». Однако отнесение их к сфере светской юстиции, вмешательство в которую «духовного меча» порицалось, позволяло постепенно изымать этот инструмент из ведения Церкви. «Обычаи Турени и Анжу», области более удаленной от королевского домена, наделяли судебными полномочиями в делах о ереси епископов, а не папских монахов, подчеркивая максимум их компетенции лишь в возможности определить виновность лица²⁰¹. В целом на примерах антиеретических норм французского обычного права прослеживается взаимосвязь между приближенностью территорий к Парижу и объемом полномочий на них Церкви: чем ближе была область к непосредственным владениям короля, тем меньшей юрисдикцией Церковь в них обладала. В 1290-х гг. Филипп IV (1285–1314) с переменным успехом предпринимал попытки установления контроля королевских чиновников за деятельностью инквизиции в Лангедоке²⁰², что в конечном итоге стало одной из причин его открытого противостояния с Бонифацием VIII (1294–1303), закончившегося поражением последнего и действительным утверждением верховенства светской власти над папством: политический процесс 1307–1314 гг. над орденом тамплиеров был инициирован и проведен под руководством уже самого короля и его чиновников. В XIV в. светское правосудие во Франции активно и весьма успешно оспаривало юрисдикцию

¹⁹⁹ *Филипп де Бомануар*. Указ. соч. С. 462; *The Etablissements de Saint Louis: Thirteenth-Century Law Texts from Tours, Orléans, and Paris / Transl. and with an introd. by F.R.P. Akehurst*. Philadelphia, 1996. P. 59.

²⁰⁰ Там же. С. 462.

²⁰¹ *The Etablissements de Saint Louis*. P. 85.

²⁰² См.: *Лу Г. Ч.* Указ. соч. С. 391–393.

над еще одной категорией преступлений, смежной с ересью – колдовством²⁰³.

Если взаимоотношения между Церковью и французской монархией в большей степени были выгодны последней, хотя внешне обе стороны сохраняли видимость согласованных действий, то в отношении с императорами папство в XIII в. продолжало политику открытого противостояния. В марте 1210 г. Оттон IV (1209–1215) подтвердил установленные своими предшественниками наказания для еретиков Феррары и Турина и всех, кто окажет им какое-либо содействие: конфискацию имущества и разрушение их домов²⁰⁴. Антиеретическая политика императора, получившего корону благодаря поддержке Иннокентия III, была продиктована тем же стремлением, что у Фридриха I и Генриха VI, упрочить свою власть в итальянских землях. За вторжение в Италию, вопреки договоренностям между Оттоном и Иннокентием о подтверждении Вормсского конкордата и отказе от претензий императора на эти земли, понтифик в тот же год отлучил своего бывшего ставленника от церкви²⁰⁵. Таким образом, мотивы империи и папства бороться с ересями вновь оказались различны. С приходом к власти в Священной Римской империи Фридриха II (1220–1250) борьба с еретиками становится одним из ключевых направлений имперской политики: в период 1220–1238 гг. было издано по меньшей мере восемь правовых актов, затрагивавших вопросы ереси. 22 ноября 1220 г., в день своей коронации как императора, Фридрих II провозгласил конституцию, направленную на защиту Церкви. В частности, в ней подтверждались антиеретические постановления IV Латеранского собора 1215 г.: еретики наказывались инфамацией и конфискацией имущества, а их дети лишались прав наследования²⁰⁶. В первые годы правления Фридриха II

²⁰³ Тогоева О.И. Реальность или иллюзия? С. 73–75.

²⁰⁴ Mandata contra haereticos. 1210. Mart. 25 // Monumenta Germaniae historica. Legum sectio IV. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. Hannoverae, 1896. Т. 2. Р. 43–44.

²⁰⁵ Канторович Э. Император Фридрих II. С. 58.

²⁰⁶ Constitutio in Basilica Beati Petri. 1220. Nov. 22 // Monumenta Germaniae historica. Legum sectio IV. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1896. Т. 2. Р. 108.

его антиеретическая политика согласовывалась с ранее принятыми каноническими установлениями. Это видится вполне закономерным, учитывая, что императорскую корону он получил во многом благодаря благосклонности Иннокентия III и Гонория III (1216–1227).

По мере укрепления собственной власти понимание Фридрихом роли императора в государственно-церковных делах существенно меняется. О том, какое место занимала борьба с ересью в его политике, возможно заключить из факта того, что именно с установления антиеретических мер начиналась изданная Фридрихом II в 1231 г. кодификация права Сицилийского королевства – «*Liber Augustalis*», известная также как «Мельфийские конституции»: вопросам ереси были посвящены 1-й и 2-й титул Первой книги. Применяя в отношении еретиков разнообразные порочащие их метафоры, заимствованные из Священного Писания и папских декреталий, закон приравнивал ересь к преступлениям против общества и государства. При этом указывалось, что оскорбление величия государя признается даже «более ужасным преступлением, как если кто-то покушается на Божественное величие, хотя по силе осуждения одно не должно превосходить другого»²⁰⁷. Тем самым утверждался принцип, что император по своему положению был приравнен к Богу и находился как минимум наравне с понтификом, если учитывать параллельные представления о папе как о «Викарии Христа». Анализируя это постановление, Э. Канторович отмечает, что слово «материя», приставленное к словосочетанию «Божественное величие», с одной стороны несколько сглаживало претензии императора на равенство с Богом, но с другой стороны позволяло соотносить «более страшное оскорбление величия» именно с императором. Поэтому, приводя антиеретическое законодательство

²⁰⁷ The *Liber Augustalis* or Constitutions of Melfi Promulgated by the Emperor Frederick II for the Kingdom of Sicily in 1231 / Transl., introd. and notes by J.M. Powell. Syracuse, 1971. P. 8–9.

Фридриха в качестве образца, Иннокентий IV (1243–1254) изъяслял упоминаемую в нем «материю»²⁰⁸.

Кроме как в глубоком смысловом значении отдельных понятий, верховенство императора утверждалось и на уровне конкретных правовых норм. Упорствующие еретики, согласно «Liber Augustalis», наказывались публичным сожжением, если после наставления не отказывались от своих заблуждений. Пособники еретиков, как и в других европейских странах, наказывались конфискацией имущества и изгнанием. На их детей накладывалось бесчестие с соответствующими правовыми последствиями, избежать которого или восстановиться в правах «по императорской милости» было возможно лишь выдав властям еретиков или поддерживающих их лиц²⁰⁹. Установленная конституцией ответственность детей за преступления своих родителей была правопреемственна булле «Vergentis in senium» 1199 г., однако и в данном случае император стремился превзойти папу, предоставляя себе право оказывать милосердие к доносчикам. Все это согласовывалось со сформулированной в Liber Augustalis концепцией власти императора, имеющего право «решать... какую судьбу, достояние и положение должен иметь каждый человек»²¹⁰. Абсолютистские стремления Фридриха II привели к апогею конфликта с папством, следствием чего стало беспрецедентное обвинение императора в ереси.

Однако стоит отметить, что политика Фридриха II по возвышению собственной власти была характерна лишь для Сицилии. В Германии император сохранял сложившийся уклад, который, по мнению К. Уикхема, изменить было не возможно, т. к. политическая власть в государстве была уже глубоко кристаллизована в каждой отдельной области²¹¹. Этим объясняет то, что в провозглашенном в 1232 г. в Равенне антиеретическом эдикте, отдельным пунктом устанавливалась обязанность всех подданных,

²⁰⁸ Канторович Э. Император Фридрих II. С. 280.

²⁰⁹ The Liber Augustalis... P. 10.

²¹⁰ Берман Г.Дж. Указ. соч. С. 400.

²¹¹ Уикхем К. Указ. соч. С. 243–245.

проживающих на германских землях, всячески содействовать доминиканским инквизиторам, а сами они пользовались «защитой императора»²¹². Укрепление императорской юрисдикции в раздробленной Германии было невыполнимой задачей, поэтому и не являлось актуальной проблемой для Фридриха. Для правовой системы Священной Римской империи более, чем для остальных европейских государств, была характерна ситуация полиюридизма, то есть сосуществования традиционных правовых систем в отдельных исторических областях государства²¹³. Это выразилось в одновременном функционировании на ее территории как общеимперских эдиктов, регламентировавших преимущественно конкретные вопросы юрисдикции монарха, так и местных законов, регулировавших более широкий круг вопросов в соответствии со спецификой исторического развития данной местности. Нередко эти правовые нормы вступали друг с другом в противоречие. Так, например, в «Саксонском зеркале» (ок. 1220-х гг.) и «Швабском зеркале» (ок. 1270-х гг.) в вопросе определения мер наказания для еретиков какие-либо расхождения с имперскими уложениями отсутствовали: еретики, колдуны, а также неусердные судьи должны быть приговорены к сожжению²¹⁴. Однако более интересна идея взаимоотношений между светской и духовной властями в рассматриваемых памятниках. «Саксонское зеркало» предусматривала возможность отлучения императора от церкви папой, если возникнут сомнения в его приверженности ортодоксальной вере²¹⁵. «Швабское зеркало» в антиеретической статье ссылалось на исторически недостоверный случай свержения папой Захарием некоего франкского короля Лесканда за то, что тот поддерживал еретиков, и передачей трона Пипину Короткому. За те же якобы деяния, по словам

²¹² Эдикт Фридриха II против еретиков // Средневековье в его памятниках / Пер. Н.А. Гейнике, Д.Н. Егорова, В.С. Протопопова и И.И. Шитца; Под ред. Д.Н. Егорова. М., 1913. С. 255.

²¹³ Канаев А.Г. К вопросу о полиюридизме в средневековом праве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4 (8). С. 114.

²¹⁴ Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права; Отв. ред. В.М. Корецкий. М., 1985. С. 55. The Schwabenspiegel: Concerning Heretics, 1235 // Heresy and Authority in Medieval Europe. P. 209–210.

²¹⁵ Саксонское зеркало. С. 103.

авторов памятника, Иннокентий III сверг Оттона IV, что было согласно с божественной волей²¹⁶. Таким образом, если в идеях Фридриха император являлся в высшей степени сакральной фигурой, чье благочестие не могло даже ставиться под сомнение, то в сформированном правовом сознании его подданных такое сомнение допускалось и требовало в подобном случае проявления верховной власти римского понтифика.

Несмотря на пик противостояния папства и империи в середине XIII в., Церковь, как уже отмечалось, брала имперские антиеретические уложения за образец. После смерти Фридриха Иннокентий IV в 1252 г. издал буллу «Ad extirpanda», в которой правителям и правительствам городов Ломбардии, Романии и Тревизской марки предписывалось действовать в ряде моментов «в соответствии с законом, провозглашенным в Падуе Фридрихом, который был тогда императором»²¹⁷. Побуждая городские власти к содействию в борьбе с ересями, булла «Ad extirpanda» устанавливала необходимость вносить в городские статуты непротиворечащие ей антиеретические нормы, утверждая их неизменность и «вечность»²¹⁸. Ответственность за соблюдение законов возлагалась на подеста, которые должны были приносить клятву бороться с еретиками при вступлении в должность, а непосредственная их реализация – на епископов, инквизиторов и специально назначенных из горожан официалов; городским чиновникам отводилась лишь вспомогательная роль, при этом булла явно указывала на их зависимость от представителей Церкви.

Однако на примере статутов некоторых итальянских городов, которые в условиях противостояния партий гвельфов и гибеллинов, оставались сторонниками императора, видно, что их правители при этом старались при этом максимально оградить города от произвола инквизиции²¹⁹. Так,

²¹⁶ The Schwabenspiegel... P. 210.

²¹⁷ Булла папы Иннокентия IV «Ad extirpanda» / Пер. с лат. и примеч. А.Л. Дунаева // Средние века. 2010. № 71 (1–2). С. 217.

²¹⁸ Там же. С. 212.

²¹⁹ См.: *Горобец А.С.* Реакция городов Ломбардии на антиеретические законы папства во второй половине XIII в. // История мировых цивилизаций. Город как историко-культурный феномен: материалы

например, статуты Вероны 1276 г., вопреки папской булле, устанавливали, что подеста наряду с епископом принимал участие в судебном процессе над еретиками, что в конечном итоге могло повлиять на вынесение окончательного решения в интересах правителя или даже всего города; также устанавливался срок, в течение которого укрывавший еретиков в своем доме мог выдать их, не понеся наказания: 8 дней в случае, если укрывателю было вынесено личное предупреждение, 15 дней – после публичного объявления подеста запрета оказывать покровительство еретикам²²⁰. Помимо указанного, статуты предоставляли возможность отречения от ереси в течение 15 дней после вынесения обвинительного приговора, а обязательные наказания ближайших родственников еретиков и их пособников, утверждаемые буллой, не устанавливались. В вопросе о наказании нераскаявшихся еретиков статуты применяли формулировку «должны быть законно наказаны подеста» (*per potestatem legitime puniantur*)²²¹. С одной стороны, возможно трактовать ее лишь как разрушение жилищ и изгнание, поскольку иных наказаний статуты не предусматривали, в отличие от буллы, предписывавшей действовать против еретиков в соответствии с эдиктами Фридриха II (т. е. конфисковывать их имущество и предавать смерти через сожжение). С другой стороны, известен получивший одобрение папы случай сожжения сотни еретиков в 1276 г. братом Мастино и его преемником в должности подеста Вероны Альберто I делла Скала²²². Однако остается неясной хронологическая последовательность казни и принятия антиеретических статутов, а примененная мера наказания позволяет лишь допустить возможность выбора действий в отношении еретиков правителем, исходя из его собственных соображений, благодаря существовавшей правовой

XVI Всероссийской научной конференции. Красноярск, 25 ноября 2021 г. / Отв. ред А.Г. Канаев; ред. кол. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2022. С. 23.

²²⁰ Gli Statuti Veronesi del 1276 colle correzioni e le aggiunte fino al 1323 (cod. Campostrini, Bibl. Civica di Verona) / Ed. G. Sandri // Monumenti storici pubblicati dalla Deputazione di storia patria per le Venezie. Nuova serie. Vol. 3. Venezia, 1940. Vol. 1. P. 202.

²²¹ Ibid. P. 203.

²²² Dean T. Civic religion // The Towns of Italy in the Later Middle Ages / Transl. and annot. by T. Dean. Manchester; New York, 2000. P. 70.

коллизии. Во всяком случае такая двойственность может быть объяснима попытками лавирования правящей династии Скалигеров между папством и империей. Возможно заключить, что эти уточняющие обстоятельства, конкретизировавшие и даже вступавшие в противоречие с папской буллой, в конечном итоге были направлены на хотя бы минимальное ограничение полномочий инквизиторов и защиту горожан Вероны.

С середины XIII в. наибольшим развитием в плане юридической техники отличались законы против ересей кастильского короля Альфонсо X Мудрого (1252–1284), вошедшие в крупные правовые сборники – «Королевское фуэро» (ок. 1256 г.) и «Семь Партид» (1265–1272 гг.). Помимо общего определения королевской власти как имеющей божественное происхождение, а, соответственно, и примат над папством в том числе и в духовных делах подданных, оба памятника выражают данное положение в некоторых антиеретических нормах. Так, например, законодателем регламентировалась подсудность еретиков епископальному суду²²³. На момент создания «Королевского фуэро» и «Семи Партид» инквизиционные полномочия уже с 1233 г. были переданы от епископов к доминиканцам, подчиненным напрямую папе. Сохранение епископального трибунала в Кастилии может свидетельствовать о том, что Альфонсо X стремился отстаивать в этом вопросе независимость от Рима, т. к. возможность королевской власти оказывать определенное влияние на церковных иерархов, имевших в том числе на территории королевства земельные держания, выглядела более реальной, чем на монашеские ордены, подотчетные лишь понтифику²²⁴.

Таким образом, при проведении политики противодействия еретическим учениям XIII в. светской власти удавалось сдерживать и брать

²²³ Fuero Real de Alfonso X el Sabio. Madrid, 2015. P. 118; Las Siete Partidas del Sabio Rey Don Alonso el IX, glosadas por el Lic. Gregorio López. Madrid, 1830. T. 3. P. 554–555.

²²⁴ Горобец А.С. Антиеретическое законодательство как фактор взаимоотношений церковной и светской властей в Западной Европе XII–XIII вв. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XLI всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (10–12 ноября 2021 г.): сборник статей / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022. С. 263.

верх над папскими притязаниями. За исключением императоров Священной Римской империи, открыто конфликтовавших с папством на протяжении XI–XIII вв. по вопросам юрисдикции, большинство государей Западной Европы избирали тактику «латентного» сопротивления, что в конечном итоге способствовало отвоєванию значительных прерогатив королей в вопросах суда над своими подданными.

ГЛАВА 3. ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕРКОВНОЙ И СВЕТСКОЙ ВЛАСТЕЙ В АСПЕКТЕ БОРЬБЫ С ЕРЕСЯМИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В 6 КЛАССЕ

3.1. Обзор учебной и методической литературы

3.1.1. Учебник Е.В. Агибаловой и Г.М. Донского

Поскольку школьный учебник является одним из основных инструментов, которые используются учениками и учителем в учебном процессе, его роль в достижении необходимых результатов обучения крайне велика. В связи с этим возникает необходимость проведения анализов существующих и допущенных Министерством Просвещения РФ линейек учебных пособий. Для начала видится правильным проанализировать учебник авторства советских школьных учителей и методистов Е.В. Агибаловой и Г.М. Донского, т.к. именно их учебник является наиболее ранним из всех, которые допущены на сегодняшний день к использованию Министерством Просвещения РФ в образовательном процессе, и, выделив критерии для сравнения, провести анализ других учебных изданий. Данный учебник был написан в 1961 г., тогда же он был отмечен первой премией на открытом конкурсе учебников по истории, а в 1973 г. его авторы стали лауреатами Государственной премии СССР. С тех пор этот учебник остается одним из самых востребованных учебных пособий для средней школы, выдержавшим не менее двадцати пяти переизданий.

Необходимая тема относится к § 16 «Могущество папской власти. Католическая церковь и еретики» (глава 6 «Католическая церковь в XI–XIII веках. Крестовые походы»). Данная тема изучается в рамках 1 урока. Параграф состоит из 8 пунктов: 1) «Первое сословие»; 2) «Богатство церкви»; 3) «Разделение церквей»; 4) «Борьба пап за светскую власть»; 5) «Против чего выступали еретики»; 6) «Как церковь боролась с еретиками»; 7)

«Инквизиция»; 8) «Нищенствующие ордены монахов»²²⁵. Столь многоаспектное содержание параграфа кажется перенасыщенным для 1 урока. Учитывая предъявляемые ФГОС требования к этапам урока (организационный, мотивационный, целеполагания, рефлексии) и ограниченность времени (40–45 мин), совершенно не представляется возможным продуктивно проработать весь материал параграфа на уроке и, как показывает практический опыт, пункты 7 и 8 (иногда даже 6 – в классах, в которых работоспособность учеников несколько ниже) остаются ученикам на самостоятельное изучение в рамках выполнения домашнего задания. Между тем, данные разделы содержат важнейшие для понимания темы понятия «инквизиция», «нищенствующие ордены», которые для учеников при их самостоятельном изучении могут остаться полностью лишёнными внутреннего содержания, а деятельность Католической церкви по борьбе с ересями, изученная по тексту в учебнике, остаться без эмоционального отклика.

Вместе с тем следует выделить несомненные достоинства раскрытия темы в данном учебнике. Прежде всего возможно отметить логическую связанность пунктов параграфа друг с другом. Так, из п. 2 «Богатство церкви» ученики могут получить представление о причинах начавшейся с середины XI в. борьбы Католической церкви с светскими правителями за верховенство и причинах недовольства частью населения Средневековой Европы этими притязаниями, что отражено в пп. 4 и 5 параграфа²²⁶. В целом же в учебнике представлен типичный для марксистско-ленинской историографии подход к освещению деятельности Церкви: Церковь – крупнейший и богатейший феодал, стремившийся к монополюльной власти и угнетавший народные массы, а еретические движения – протест последних против этого господства. Кроме того, при весьма подробной характеристике деятельности инквизиции не оговаривается, что исполнение самого

²²⁵ Агибалова Е.В., Донской Г.М. Всеобщая история. С. 127–135.

²²⁶ Там же. С. 128–132.

наказания брала на себя светская власть. Хотя следует отметить, что в сравнении с советскими изданиями современный учебник был существенно переработан и многие формулировки и выводы, характерные для советской историографии, из текста параграфа были исключены.

Другим достоинством можно назвать наличие и выделение почти исчерпывающего для данной темы терминологического аппарата: в параграфе используются и раскрываются такие важные понятия, как «индульгенция», «католицизм», «православие», «интердикт», «альбигойцы», «инквизиция», «францисканцы», «доминиканцы». Единственное, что следовало бы еще добавить, – понятие «инвеститура», т. к. остаются не до конца ясными причины претензий римских пап на светскую власть. В п. 4 говорится лишь об абстрактном желании Григория VII «подчинить всех светских государей папе римскому», при этом об изначальной причине – стремлении церкви освободиться от чрезмерного влияния королей и императоров, выразившегося в клюнийской и григорианской реформах, – не сказано ни слова²²⁷. Вероятно, составители последних редакций учебника понимали и без того слишком насыщенный объем материала параграфа и не стали перегружать его дополнительными терминами. Хотя представляется важным сделать акцент на борьбе за инвеституру для того, чтобы ученики могли получить максимально объективное представление о причинах этого противостояния. К тому же, как показывает практика, данный термин и его содержание запоминаются учениками хорошо.

Параграф, как и весь учебник, содержит достаточно цветных иллюстраций, которые позволяют ученикам не только визуализировать информацию, но и могут использоваться для разбора с целью развития аналитических навыков и критического мышления. Например, подходящей в этом плане является иллюстрация «Оборона церкви от врагов»: помимо проблемного вопроса, который предлагают составители учебника («Как вы считаете, на чьей стороне симпатии автора рисунка – еретиков или

²²⁷ Агибалова Е.В., Донской Г.М. Всеобщая история. С. 130–132.

Католической церкви?»)»²²⁸, учителю будет уместно задать дополнительные вопросы: «Почему еретики изображены с повязками на глазах?»; «Почему грехи изображены в виде женщин с копьями?». Эти вопросы позволят не только научить обучающихся работать с визуальными источниками, но и расширить их представления о христианском мировоззрении изучаемой эпохи (еретики – заблудшие души, женщина – вместилище греха).

В параграфе представлены фрагменты текста исторического источника для работы на уроке или самостоятельно дома (отрывки из «Диктата папы» Григория VII), предложены вопросы для анализа. Перед текстом самого параграфа размещены проблемный вопрос урока, а также вопросы на актуализацию знаний, полученных в рамках изучения предыдущих тем. Конец текста параграфа содержит достаточно обширный перечень вопросов, направленных на закрепление изученного материала, а также развитие умения проводить анализ и аргументировать свою точку зрения. Ряд наиболее трудных вопросов, связанных прежде всего с аргументацией точки зрения, целесообразно проработать в рамках урока, остальные возможно задать в качестве домашнего задания. Все вопросы направлены на развитие у учащихся широкого спектра универсальных учебных действий (УУД) и навыков, в первую очередь – критического мышления.

Подводя итог, следует заключить, что учебник авторства Е.В. Агибаловой и Г.М. Донского, несмотря на время его создания, остается весьма актуальным учебным пособием, благодаря регулярной редакторской работе по внесению изменений, соответствующих постоянно обновляемым требованиям к результатам обучения. Однако все же необходимо отметить явную перегруженность материалом для 1 академического часа: даже по сравнению с советскими изданиями учебника, когда объем часов отведенных для изучения истории Средних веков был гораздо больше, параграф, посвященный Католической церкви в XI–XIII вв., не то что не был сокращен, но наоборот только увеличился в объеме. Так, например, ни в первом

²²⁸ Агибалова Е.В., Донской Г.М. Всеобщая история. С. 132.

издании учебника 1962 г., ни в очередном переиздании 1981 г. в соответствующих параграфах нет раздела и даже упоминания о нищенствующих орденах доминиканцев и францисканцев²²⁹. При том, что на момент 1981 г. на изучение данной темы отводилось 2 академических часа, а сама тема раскрывалась в двух параграфах. В первом издании 1962 г., несмотря на кажущуюся общую схожесть структуры учебного материала с современными изданиями, отсутствует сюжет о борьбе между Григорием VII и Генрихом IV, а также практически не упоминается деятельность инквизиции. Таким образом, при одинаковом количестве учебных часов, отведенных на изучение данной темы, а также на несомненно возросшие требования к использованию на уроке разнообразных форм и методов работы в соответствии с ФГОС, объем теоретического материала лишь возрос, что накладывает на учеников повышенную нагрузку, а на учителя – дополнительные сложности с подготовкой содержательного многоаспектного урока в условиях ограниченного времени.

3.1.2. Учебник М.А. Бойцова и Р.М. Шукурова

Еще один школьный учебник, созданный в 1994 г. как экспериментальный, а ныне регулярно включаемый в «Федеральный перечень», принадлежит авторству российских историков-медиевистов М.А. Бойцова и Р.М. Шукурова. Данное учебное издание кардинально отличается от учебника Е.В. Агибаловой и Г.М. Донского прежде всего своей тематической структурой. Так, деятельность Католической церкви в период Высокого Средневековья представлена в двух параграфах: в §13 «Империя и церковь» (глава 6 «Западная Европа в эпоху Крестовых походов») и в § 18 «Во главе христианского мира» (глава 8 «Вершина Средневековья»)²³⁰. Некоторая информация содержится в § 14 «Крестовые походы» (глава 6) и § 19 «Папы, императоры, короли в Европе XII–XV вв.» (глава 8)²³¹.

²²⁹ Агибалова Е.В., Донской Г.М. История Средних веков. М., 1962. С. 86–89; Агибалова Е.В., Донской Г.М. История Средних веков. М., 1981. С. 87–93.

²³⁰ Бойцов М.А., Шукуров Р.М. Указ. соч. С. 102–107, 146–153.

²³¹ Там же. С. 154–160.

В тексте указанных параграфов деятельность Католической церкви прежде всего рассматривается через призму ее взаимоотношений со светской властью. Авторы последовательно излагают события во Франции и Германии в период X–XI вв., раскрывая эволюцию государственно-церковных взаимоотношений и становление зависимости духовной власти от светской. Благодаря этому становятся ясны причины клюнийского движения и начала противоборства между папами и императорами, чему посвящены отдельные пункты в § 13. § 18 полностью посвящен политике Католической церкви по борьбе с ересями, при этом при описании событий Альбигойского крестового похода авторы по какой-то причине не используют исторические понятия и принятое в историографии обозначение данного события, однако справедливо отмечают, что большую выгоду из предприятия получил французский король, т.е. светская власть. Деятельности инквизиции посвящены всего три лаконичных предложения, что крайне мало для получения представлений об этом важнейшем церковном институте. В § 19, посвященном рассмотрению функционирования государственных структур, приводятся детали, добавляющие штрихи к характеристике взаимоотношений между духовной и светской властями. О Схизме 1054 г. и разделении Церкви на Православную и Католическую упоминается в небольшом абзаце § 14 «Крестовые походы»²³². Такая сложная структура подачи материала с одной стороны позволяет иметь больше учебного времени на его изучение, но с другой – существует риск, что для учеников такое фрагментарное восприятие может оказаться непосильным. Поэтому важнейшей задачей учителя при работе с учебником Бойцова – Шукурова становится расстановка акцентов, когда ответ на сформулированный вопрос может быть получен только через несколько уроков, а также создание возможностей для учеников актуализировать свои знания при продолжении изучения темы.

²³² Бойцов М.А., Шукуров Р.М. Указ. соч. С. 112.

В методическом отношении данный учебник не уступает учебнику Агибаловой – Донского. Проблемные вопросы ставятся не перед каждым параграфом, а лишь по главам, однако по ходу повествования каждый параграф включает вопросы, направленные на актуализацию знаний или усвоение нового материала, чего нет в предыдущем рассматриваемом учебнике. В конце параграфа также содержатся контрольные вопросы и тексты исторических источников с вопросами к ним: с одной стороны источников в учебнике Бойцова – Шукурова больше, а вопросы разнообразнее, но с другой – помещены они в конце параграфа, что может вызывать затруднения у учеников 6 класса при работе с текстом на уроке или дома. Иллюстративный ряд очень разнообразен, при чем к целому ряду изображений также предлагаются вопросы, связанные в основном с анализом репрезентации в них образов власти – популярного в настоящее время направления исследования в исторической науке²³³. Таким образом, в учебнике повышенное внимание уделяется формированию умений учеников работать с историческими источниками как письменного, так и визуального характера.

Резюмируя, возможно отметить, что учебник М.А. Бойцова и Р.М. Шукурова является качественным учебным изданием, но отличающимся по своей структуре и подходу от учебника Е.В. Агибаловой и Г.М. Донского. С одной стороны это является преимуществом, т.к. позволяет гораздо всестороннее и глубже проработать тему за счет ее включения в несколько уроков, однако в то же время требует от учителя определенной подготовки для эффективного использования учебника в образовательном процессе.

3.1.3. Учебник А.В. Абрамова, В.А. Рогожкина и С.В. Тырина

В 2021 г. была представлена линейка учебников по истории под редакцией бывшего министра культуры РФ В.Р. Мединского. Имевшиеся среди части российского общества опасения по поводу качества новых

²³³ Бойцов М.А., Шукуров Р.М. Указ. соч. С. 105, 147, 149.

учебников были развеяны, т.к. содержательной стороной их подготовки занимались профессиональные историки, учителя и методисты: в частности учебник по истории Средних веков для 6 класса был подготовлен авторским коллективом, в состав которого вошли А.В. Абрамов, В.А. Рогожкин и С.В. Тырин. Научные интересы ни одного из авторов не являются связанными с медиевистикой, поэтому ничего уникального с теоретической точки зрения учебник не представляет и в основном повторяет структуру повествования, сформированную учебником Агибаловой – Донского.

Изучаемой теме отведен § 10 «Католическая церковь и духовенство»²³⁴ (глава 3 «Западная Европа в XI–XIV веках»). В целом структура и содержание параграфа практически идентичны аналогичному параграфу в учебнике Агибаловой – Донского. Однако материал в данном случае гораздо более адаптирован под отводимое для изучения темы количество учебных часов. Так, например, информация о Великой схизме 1054 г. содержится в соответствующем пункте § 5 «Культура раннего Средневековья»²³⁵ (глава 1 «Становление христианской цивилизации»), всецело посвященном христианской культуре. Видится вполне логичным включение данного вопроса в соответствующую тему, поскольку таким образом у учеников уже будет сформировано четкое понимание, что касаясь периода XI–XIV вв. в Западной Европе речь уже будет идти исключительно о Католической церкви, в то время как в учебнике Агибаловой – Донского приведенная характеристика церковной деятельности может быть воспринята как характерная и для восточного христианства. Кроме того, информация о конфликте между Григорием VII и Генрихом IV перенесена в § 13 «Германия, Священная Римская империя и западные славяне»²³⁶ (глава 3), который посвящен очень подробному рассмотрению истории империи и конфликтам между папами и императорами, в том числе при Фридрихе I Барбароссе и Фридрихе II, о чем не сказано ни слова в учебнике Агибаловой

²³⁴ Абрамов А.В., Рогожкин В.А., Тырин С.В. Указ. соч. С. 91–97.

²³⁵ Там же. С. 51–53.

²³⁶ Там же. С. 114–121.

– Донского. Несомненным преимуществом освещения темы в данном учебнике является наиболее подробный среди всех рассматриваемых изданий пункт, посвященный Альбигойскому крестовому походу, однако, как и в учебнике Агибаловой – Донского, с весьма сглаженной ролью в этих событиях светских правителей. Кроме того, здесь так же не раскрыты причины, позволившие Церкви стать могущественнейшим институтом Высокого Средневековья: утверждается лишь, что «феодалная раздробленность в странах Западной Европы способствовала росту влияния папы римского»²³⁷.

Несмотря на исчерпывающую теоретическую часть, методический аппарат сокращен, хотя учебник имеет отличное от других новшество: в начале параграфа, помимо традиционного проблемного вопроса, представлены списки понятий и ключевых слов, исторических персоналий, а также дат и событий, на которые ученику необходимо будет обратить особое внимание при изучении материала. В то же время иллюстраций и схем гораздо меньше, чем в учебниках Агибаловой – Донского и тем более Бойцова – Шукурова, хотя к каждой из них предлагаются вопросы для анализа. Значительным недостатком является отсутствие каких-либо письменных исторических источников для работы, таким образом, поиск заданий к теме по развитию у учеников функциональной грамотности полностью возлагается на учителя.

В целом учебник под общей редакцией В.Р. Мединского не уступает рассмотренным ранее учебникам. Ввиду необходимости проработать тему в отведенный для ее изучения 1 академический час авторам удалось равномерно и логично распределить материал по нескольким параграфам. Представляется, что проблема целостного восприятия темы учениками 6 класса, возможная в случае с учебником Бойцова – Шукурова, не возникнет. В то же время следовало бы несколько усовершенствовать и разнообразить методический аппарат.

²³⁷ *Абрамов А.В., Рогожкин В.А., Тырин С.В. Указ. соч. С. 95.*

3.1.4. Учебник В.А. Ведюшкина и В.И. Уколовой

Еще один учебник авторства профессиональных историков В.А. Ведюшкина и В.И. Уколовой, хотя и не вошел в новый «Федеральный перечень», тем не менее еще может использоваться в образовательном процессе в 2023/2024 учебном году. Исходя из этого, представляется важным выделить причины, по которым данное издание было исключено из допущенных к использованию.

С точки зрения объема теоретической информации учебник Ведюшкина – Уколовой превосходит все остальные рассмотренные в данной работе. Можно говорить о том, что все пункты, отсутствующие или недостаточно полно раскрытые в учебниках других авторских коллективов, получили здесь отражение, при этом в рамках одного параграфа – § 15 «Католическая церковь в XI–XIII вв.»²³⁸ (глава 2 «Подъем средневековой Европы»). Следует отметить, что лишь в этом учебнике при характеристике деятельности инквизиции разделяется ответственность между церковной и светской властями, что, несомненно, позволяет уяснить более объективную историческую картину. Однако все же, как и при использовании учебника Агибаловой – Донского, учителю, вероятно, придется делать выбор между количеством и качеством того, что будет изучено в рамках урока. Другим недостатком, тесно связанным с предыдущим, является терминологическая перегруженность параграфа. Так, например, авторы, помимо традиционных и весьма сложных для запоминания шестиклассниками понятий («инквизиция», «индульгенции», «интердикт», «ересь» и т.п.), вводят дополнительные: «папская теократия», «ортодоксальная церковь», «теология», упоминают спор о филиокве (однако все же не используя этого понятия) в качестве одной из причин церковного раскола. Определение термина «ересь» в параграфе отсутствует, т.к. оно уже приводилось в § 2 «Христианская церковь в раннем Средневековье» (глава 1 «Рождение

²³⁸ Ведюшкин В.А., Уколова В.И. Указ. соч. С. 48–51.

средневекового мира») ²³⁹. Таким образом, между беглым введением этого понятия и его активным использованием пройдет 12 уроков, при этом авторы учебника даже не предлагают ученикам в начале параграфа вспомнить, что такое ересь.

Методический аппарат учебника как раз вызывает еще большие вопросы. За исключением краткого плана темы и заключительных вопросов, связанных исключительно с запоминанием содержания параграфа, а не развитием УУД, в учебнике более ничего не представлено: отсутствуют исторические источники; нет вопросов по ходу текста; вопросы к параграфу привязаны исключительно к предметным знаниям; множество красочных иллюстраций перекрывает собой непонимание, как с ними работать, поскольку каких-либо вопросов или хотя бы описания к ним нет. Таким образом, учебник Ведюшкина – Уколовой представляется более книгой для чтения по истории, чем школьным учебником в силу практически полного отсутствия методического аппарата. Такое издание возможно использовать в старших классах для повторения изученного материала перед экзаменами, но никак не в 6 классе, когда необходимо развивать у учеников широкий спектр умений и навыков. Вероятно, все эти факторы обусловили исключение данного учебника из «Федерального перечня».

Подводя итог анализу допущенных к использованию Министерством Просвещения РФ учебников, возможно заключить, что каждый учебник имеет ряд достоинств и недостатков. Так, учебники Агибаловой – Донского и Бойцова – Шукурова практически безупречны с методической точки зрения, но их теоретическая насыщенность (учебник Агибаловой – Донского) или сложная структура (Бойцов – Шукуров) ставят перед учителем задачу суметь использовать ограниченное время урока для максимально эффективной проработки темы и ее усвоения учениками. Учебник под редакцией В.Р. Мединского, успешно решая данную задачу, имеет ряд существенных пробелов в методическом плане, что вновь требует от учителя временных и

²³⁹ Там же. С. 12.

материальных затрат на подбор материала, направленного на развитие УУД. Учебник Ведюшкина – Уколовой, являясь образцовым с точки зрения теоретического наполнения, теряет, пожалуй, важнейшую функцию современного школьного учебника – быть не просто источником информации, но и практическим пособием по развитию умений и навыков.

3.2. Методические приемы преподавания темы

В связи с рассмотренными достоинствами и недостатками каждого учебника, возникает необходимость создания авторских разработок, которые бы дополняли или даже восполняли их методическое содержание. Для сопровождения работы на уроке предлагается использовать учебник Е.В. Агибаловой и Г.М. Донского как наиболее распространенный, хотя данные разработки возможно будет адаптировать и к использованию других рассмотренных учебников.

В начале урока учитель должен выстроить связь полученных ранее знаний с новым материалом: «На одном из первых занятий мы говорили о том, что принятие Хлодвигом христианства было выгодно обеим сторонам. В чем именно заключалась эта взаимовыгода?» Ученики дают ответ на вопрос, применяя ранее полученные знания: церковь поддерживала авторитет королевской власти в народе, а взамен получала от нее определенные привилегии: право сбора десятины, земельные наделы и т. .

После получения ответов учитель подводит к новой теме: «Таким образом, мы можем сказать, что в период раннего Средневековья светская и духовная власти были в союзе. Сегодня мы узнаем, изменилось ли что-нибудь в их отношениях спустя почти полтысячелетия». Ученикам раздаются распечатанные интеллект-карты²⁴⁰, пропуски в которых будут заполняться в течение двух уроков в рамках тем «Могущество папской власти. Католическая церковь и еретики» и «Крестовые походы». При наличии в

²⁴⁰ Приложение А.

классе отдельной интерактивной доски возможно вывести ленту времени «Католическая церковь в XI–XIII вв.»²⁴¹ Эти материалы позволят ученикам выстроить хронологическую и логическую связь между процессами, изучаемыми в рамках двух параграфов.

Учитель дает задание проанализировать фрагмент документа «Диктат папы»²⁴² и высказать свои предположения по ряду вопросов: 1) кто мог быть автором этого документа? 2) о чем свидетельствуют эти правила и в чью пользу они составлены? Это задание направлено на формирование у учеников способности осмысливать и оценивать содержание текста и понимать его смысловую структуру. Кроме того, формируется навык креативного мышления – ученики еще не знают материал, но высказывают предположения по решению проблемных вопросов на основе предложенного текста. Ученики высказывают свои предположения и делают вывод о претензии католической церкви на всеобъемлющее господство.

Учитель ставит проблемный вопрос, к решению которого должны прийти ученики в конце урока: «Было ли заявленное в документе могущество церкви реальным или же оно являлось лишь желаемым для пап?» В ходе рассказа учителя ученики фиксируют в виде конспекта причины усиления папской власти и противостояния церковной и светской властей.

Учитель дает ученикам отрывок из письма папы Иннокентия III о состоянии Церкви в Окситании²⁴³ и предлагает ученикам предположить, о чем свидетельствует этот текст. Ученики высказывают предположения о том, что церковь, обретя политическое и экономическое могущество, перестала выполнять свою главную функцию – быть духовным ориентиром и примером для людей.

Учитель: «Представьте себя на месте средневекового человека: видя такой упадок церкви своими глазами (ведь даже папа, находясь далеко в Риме, знал обо всем этом), продолжили бы вы верить ей? Осталась бы для

²⁴¹ Приложение Б.

²⁴² Агибалова Е.В., Донской Г.М. Всеобщая история. С. 131.

²⁴³ Приложение В.

вас такая церковь авторитетом? Или, может быть, вы попытались бы найти для себя какое-то новое учение, которое больше соответствовало бы христианским заповедям?» Получив от учеников наиболее вероятное заключение о том, что такая церковь для многих средневековых людей уже не была духовным авторитетом, учитель начинает рассказ о еретиках и мерах борьбы с ними со стороны церкви.

Учитель предлагает ученикам поработать с выдержками из исторических источников²⁴⁴ в раздаточном материале и сформулировать вывод о характере войны с еретиками-альбигойцами: 1) только ли религиозными интересами руководствовались крестоносцы или были в их действиях и другие, более земные мотивы? 2) особенно стоит обратить внимание на свидетельства двух хронистов, рассказывающих о взятии Лавора: кому они больше симпатизируют – крестоносцам или еретикам? какие различия в их оценках бросаются в глаза, несмотря на то, что оба автора придерживаются в целом одной позиции? После работы с текстами источников ученики делают вывод о том, что борьба с еретиками для церкви представляла не только духовный, но и вполне материальный интерес.

Подводя итог, ученики дают ответ на проблемный вопрос урока: католическая церковь в XI–XIII веках действительно добилась могущества, оказывая влияние на все сферы жизни средневекового общества. Однако вместе с этим уже в этот период начал проявляться ее духовный кризис. Таким образом, церковь находилась одновременно и в состоянии подъема (политического, экономического), и в состоянии упадка (духовно-нравственного). В начале следующего занятия с целью актуализации знаний возможно предложить ученикам тест²⁴⁵.

Предложенные задания и формы работы прежде всего направлены на развитие функциональной грамотности и развитие критического мышления учеников.

²⁴⁴ Приложение Г.

²⁴⁵ Приложение Д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интеллектуальная дискуссия о должном характере взаимоотношений между светской и духовной властями в целом строилась на обосновании двух ключевых вопросов: 1) кто являлся «земным наместником» Бога и, соответственно, изначальным держателем «мечей» – римский понтифик или государь (император/король); 2) насколько легальным был «перенос Римской империи» из Византии к франкам и какие обязательства он накладывал в связи с этим на пап и светских правителей. Претензия пап на супрематию, наиболее ярко выразившаяся в середине XI–XIII вв., тем не менее не была однозначно разделяемой, что обуславливалось прежде всего политическими реалиями. Если в данный период, начиная примерно с 1000 г., возможно говорить об общих тенденциях к ослаблению королевской власти и росту феодализации, то Церковь, в свою очередь, наоборот укрепляла структуру, автономизируясь от светской власти и централизуясь к папству. По мере развития процессов централизации европейских государственных образований дискурс о верховенстве вновь склоняется в сторону светских правителей, становясь преобладающим уже в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Позиция христианских мыслителей по вопросу о допустимых мерах воздействия на еретиков претерпевала изменения на протяжении всего Средневековья. Апостольские наставления об относительной терпимости к религиозным диссидентам стали трактоваться иначе уже с середины II в. ввиду особого толкования Отцами Церкви текстов Священного Писания. Но все же главной до XI в. оставалась идея духовного воздействия на еретиков, реже – имущественного и физического, но не смертельного. К XIII в. в результате синтеза в общественном сознании понятий ереси и ведовства наказание еретиков смертью стало получать все большую поддержку и теологическое обоснование. Однако во все обозначенные периоды антиеретический дискурс видных христианских мыслителей соответствовал

уже имеющейся практике борьбы с гетеродоксальными учениями со стороны светской власти. Поэтому ключевым стал вопрос о характере взаимоотношений Церкви и светских правителей в противодействии ересям, вписывавшийся в более широкую проблему определения границ юрисдикций «двух мечей».

Так или иначе вопрос о ереси часто сопровождал дискуссию о соотношении духовной и светской властей. В V в. папа Геласий I поднял эту проблему в связи со склонностью к гетеродоксии римского императора, заявив о верховенстве священников. В XI–XIII вв. светская власть рассматривалась христианскими мыслителями в качестве орудия церковной воли в том числе в антиеретической борьбе. Бонифаций VIII приравнивал к еретикам всех, кто противился папской супрематии, то есть оставлял за папством и Церковью всю прерогативу решения данных вопросов, что спустя непродолжительное время вызвало обстоятельную критику со стороны Марсилия Падуанского. Все эти факты свидетельствуют о том, что к началу XIV в. проблема ересей стала в большей степени политической, чем духовной, а ее решение обе стороны стремились найти не только с помощью доктрины, но и законодательства.

Римские императоры, в попытках сохранить сложившееся к XI в. верховенство в том числе и в церковных вопросах, стремились к установлению с помощью антиеретических мер контроля над спорными областями Северной и Центральной Италии, но явно не выражая в этом свое противодействие папской власти. Такое же поведение было характерным и для французских королей, возродивших в Европе активную практику наказания последователей гетеродоксальных учений: в условиях децентрализованности им требовался инструмент легитимации королевской власти. Предпринятая королем Англии в 1160-х гг. попытка не только расширить пределы светской юрисдикции, но и фактически вывести церковь из-под влияния папства оказалась слишком преждевременной, однако уже продемонстрировала зарождение суверенизационных процессов, которые

станут характерными в XIII–XIV вв. в связи с началом оформления национальных государств. при проведении политики противодействия еретическим учениям XIII в. светской власти удавалось сдерживать и брать верх над папскими притязаниями. За исключением императоров Священной Римской империи, открыто конфликтовавших с папством на протяжении XI–XIII вв. по вопросам юрисдикции, большинство государей Западной Европы избирали тактику «латентного» сопротивления, что в конечном итоге способствовало отвоеванию значительных прерогатив королей в вопросах суда над своими подданными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные источники

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 14.12.2022).

2. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027> (дата обращения: 14.12.2022).

3. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 21.09.2022 № 858 «Об утверждении федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность и установления предельного срока использования исключенных учебников» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211010045> (дата обращения: 14.12.2022).

4. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 16.11.2022 № 993 «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212220024> (дата обращения: 21.03.2023).

5. Федеральная рабочая программа основного общего образования по истории [Электронный ресурс] // Сайт ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО». Единое содержание общего образования. URL: https://edsoo.ru/Federalnaya_rabochaya_programma_osnovnogo_obschego_obrazovaniya_predmeta_Istoriya_.htm (дата обращения: 21.03.2023).

6. Кодификатор проверяемых требований к результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования и элементов содержания для проведения основного государственного экзамена по истории [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений» (ФИПИ). URL: <https://fipi.ru/oge/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!tab/173801626-7> (дата обращения: 14.12.2022).

Методические источники

1. Абрамов А.В., Рогожкин В.А., Тырин С.В. Всеобщая история. История Средних веков: 6 класс: учебник / Под общ. ред. В.Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 271 с.

2. Агибалова Е.В., Донской Г.М. Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / Под ред. А.А. Сванидзе. 11-е изд. М.: Просвещение, 2020. 287 с.

3. Агибалова Е.В., Донской Г.М. История Средних веков. Учебник для 6 класса. М.: Учпедгиз, 1962. 255 с.

4. Агибалова Е.В., Донской Г.М. История Средних веков. Учебник для 6 класса. 20-е изд. М.: Просвещение, 1981. 255 с.

5. Бойцов М.А., Шукуров Р.М. Всеобщая история. История Средних веков. 5-е изд. М.: Русское слово – учебник, 2016. 264 с.

6. Ведюшкин В.А., Уколова В.И. История. Средние века. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / 2-е изд. М.: Просвещение, 2014. 111 с.

Исторические источники

1. Адемар Шабаннский. Хроникон. СПб.: Евразия; М.: ИД Клио, 2015. 384 с.
2. Бернард Клервоский. О размышлении / Пер. Ю. Куркина. М.: Издательство Францисканцев, 2017. 204 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с параллельными местами.
4. Булла папы Иннокентия IV «Ad extirpanda» / Пер. с лат. и примеч. А.Л. Дунаева // Средние века. 2010. № 71 (1–2). С. 212–222.
5. Булла «Unam sanctam» папы Бонифация VIII / Пер. с фр. Ю. Куркина // Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви (III–XX вв.). СПб.: Издательство св. Петра, 2022. С. 246–247.
6. Вальтер Мап. Забавы придворных / Издание подгот. Р.Л. Шмараков. СПб.: Наука, 2020. 424 с.
7. Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 944 с.
8. Генри Брактон. Трактат «О законах и обычаях Англии» / Пер. Е.В. Гутновой // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. акад. В.М. Корецкого. М.: Госюриздат, 1961. С. 140–166.
9. Григорий VII о папской власти // Средневековье в его памятниках / Пер. Н.А. Гейнике, Д.Н. Егорова, В.С. Протопопова и И.И. Шитца; Под ред. Д.Н. Егорова. М.: Типо-лит. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. С. 98–99.
10. Данте Алигьери. Монархия / Пер. с итал. В.П. Зубова; комм. И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. 192 с.
11. Епископ [Римский] Геласий к августу Анастасию / Пер. Н.Ф. Ускова // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / Нац. обществ.-научн. фонд; руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. Т. 2: Европа V–XVII вв. С. 167–168.

12. Закон Людвига Баварского об избрании императора / Пер. В.М. Корецкого // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. акад. В.М. Корецкого. М.: Госюриздат, 1961. С. 435–436.

13. Иоанн Грациан. Согласование несогласных канонов / Пер. Н.Ф. Ускова // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / Нац. обществ.-научн. фонд; руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. Т. 2: Европа V–XVII вв. С. 240–274.

14. Иринеи Лионский. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Пер. протоиерея П. Преображенского, Н.И. Сагарды. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. 672 с.

15. Кларендонская ассиза // Памятники истории Англии XI–XIII вв. Русский и латинский тексты Великой Хартии вольностей и других документов / Пер. и введ. Д.М. Петрушевского. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 56–63.

16. «Константинов дар» / Пер. Н.Ф. Ускова // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / Нац. обществ.-научн. фонд; руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. Т. 2: Европа V–XVII вв. С. 173–176.

17. Ламберт Херсфельдский. Анналы / Пер. с лат. и комм. И.В. Дьяконова. М.: СПСЛ; Русская панорама, 2013. 240 с.

18. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В.И. Оболенского, Ф.А. Терновского; Предисл. О.М. Бодянского. М.: Университетская типография, 1884. IV, 370 с.

19. Марсилий Падуанский. Защитник мира. *Defensor pacis* / Пер. с фр. Б.У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2014. 656 с.

20. Марсилий Падуанский. Перенос империи / Пер. и примеч. О.С. Воскобойникова // Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / А.С. Ануфриева, М.В. Бибииков, Д.Ю. Бовыкин и др.; сост. и отв. ред. О.С. Воскобойников, О.И. Тогоева; Нац. исслед. ун-т

«Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 423–442.

21. Песнь о крестовом походе против альбигойцев / Издание подгот. И.О. Белавин, Е.В. Морозова. М.: Ладомир: Наука, 2011. 440 с.

22. Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права; отв. ред. В.М. Корецкий. М.: Наука, 1985. 271 с.

23. Семь Партид мудрого короля дона Альфонса / Пер. И.А. Брея // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. акад. В.М. Корецкого. М.: Госюриздат, 1961. С. 469–503.

24. Тертуллиан. О прескрипции [против] еретиков / Пер. с лат. А.А. Столярова // Тертуллиан. Избранные сочинения / Общ. ред. и сост. А.А. Столярова. М.: Прогресс, 1994. С. 106–129.

25. Филипп Бомануар. Кутюмы Бовези / Пер. Н.А. Хачатурян, Е. Тушиной // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / Нац. обществ.-научн. фонд; руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. Т. 2: Европа V–XVII вв. С. 453–463.

26. Фома Аквинский. О правлении государей / Публ., пер., вступ. ст. и примеч. Н.Б. Срединской // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л.: Наука, 1990. С. 217–244.

27. Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. V. Вторая часть Второй части. Вопросы 1–46 / Пер. с лат.; Под ред. Н. Лобковица, А.В. Апполонова. М.: КРАСАНД, 2015. 560 с.

28. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 47–122 / Пер., ред. и примеч. С.И. Еремеева. Киев: Ника-Центр, 2013. 832 с.

29. Эдикт Фридриха II против еретиков // Средневековье в его памятниках / Пер. Н.А. Гейнике, Д.Н. Егорова, В.С. Протопопова и И.И. Шитца; Под ред. Д.Н. Егорова. М.: Типо-лит. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. С. 253–255.

30. «Dictatus papae» Григория VII (1075 г.) // Католицизм. Хрестоматия по предмету «Сравнительное богословие» / Сост. иер. Е. Шилов. СПб.: Алетейя, 2020. С. 46–47.

31. Liber extra. Компиляция декреталий папы Григория IX / Пер. Н.Ф. Ускова // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / Нац. обществ.-научн. фонд; руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. Т. 2: Европа V–XVII вв. С. 274–285.

32. Caesarius of Heisterbach. The Dialogue on Miracles / Transl. by H. von E. Scott, C.C. Swinton Bland; Introd. by G.G. Coulton. New York: Harcourt, Brace and Company, 1929. Vol. 1. XIX, 546 p.

33. Confiscation on the Property of Heretics. Innocent III to the King of Aragon, 1206 // A Source Book for Mediaeval History: Selected Documents Illustrating the History of Europe in the Middle Age / Ed. by O.J. Thatcher, E.H. McNeal. New York: Charles Scribner's Sons, 1905. P. 211.

34. Constitutio contra haereticos Lombardiae. 1224. Mart // Monumenta Germaniae historica. Legum sectio IV. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1896. T. 2. P. 126–127.

35. Constitutio in Basilica Beati Petri. 1220. Nov. 22 // Monumenta Germaniae historica. Legum sectio IV. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1896. T. 2. P. 106–109.

36. Council of Toulouse, 1229 // Heresy and Inquisition in France, 1200–1300 / Ed. and transl. by J.H. Arnold, P. Biller. Manchester: Manchester University Press, 2016. P. 190–197.

37. Die Register Innocenz' III // Publikationen des Österreichischen Kulturinstituts in Rom. 2. Abteilung: Quellen. 1. Reihe / Bearb. von O. Hageneder, W. Maleczek, A.A. Strnad. Rom; Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. Bd. 2. 2: Pontifikatsjahr, 1199–1200: Texte. XLVII, 536 s.

38. Edictum regis Ildefonsi contra haereticos valdenses ut exeant de regno suo // Nicolai Eymerici. Directorium inquisitorum. Romae: Apud Georgium Ferrarium, 1587. P. 281.

39. Fuero Real de Alfonso X el Sabio. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado, 2015. XXXIV, 169 p.

40. Gli Statuti Veronesi del 1276 colle correzioni e le aggiunte fino al 1323 (cod. Campostrini, Bibl. Civica di Verona) / Ed. G. Sandri // Monumenti storici pubblicati dalla Deputazione di storia patria per le Venezie. Nuova serie. Vol. 3. Venezia, 1940. Vol. 1. XXX, 696 p.

41. In quo Petrus Aragonum Rex Constitutionem edidit adversus haereticos. Anno Christi MCXCVII // Collectio maxima conciliorum omnium Hispaniae et novi orbis. Romae: Ex typographia Antonii Fulgonii, 1693. T. 5. P. 102–103.

42. Innocent III Commands All in Authority to Aid His Legates in Destroying Heresy, 1198 // A Source Book for Mediaeval History: Selected Documents Illustrating the History of Europe in the Middle Age / Ed. by O.J. Thatcher, E.H. McNeal. New York: Charles Scribner's Sons, 1905. P. 210.

43. Innocent III to Acerbius, 1198 // A Source Book for Mediaeval History: Selected Documents Illustrating the History of Europe in the Middle Age / Ed. by O.J. Thatcher, E.H. McNeal. New York: Charles Scribner's Sons, 1905. P. 208.

44. Innocent III to the Archbishop of Auch in Gascony, 1198 // A Source Book for Mediaeval History: Selected Documents Illustrating the History of Europe in the Middle Age / Ed. by O.J. Thatcher, E.H. McNeal. New York: Charles Scribner's Sons, 1905. P. 209–210.

45. Las Siete Partidas del Sabio Rey Don Alonso el IX / Glosadas por el Lic. Gregorio López, del Consejo Real de Indias de S. M. Madrid, 1830. T. 3. 620, X p.

46. Mandata contra haereticos. 1210. Mart. 25 // Monumenta Germaniae historica. Legum sectio IV. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1896. T. 2. P. 43–44.

47. Pierre de Vaulx-Cernay. Histoire de l'hérésie des Albigeois et de la sainte guerre entreprise contre eux (de l'an 1203 à l'an 1218) // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France depuis la fondation de la monarchie française jusqu'au 13e siècle / Par M. Guizot. Paris: Libraire chez J.-L.-J. Brière, 1824. Vol. 14. X, 399 p.

48. Pope Innocent III: The Decretal Cum ex officii nostri, 1207 // Heresy and Authority in Medieval Europe: Documents in Translation / Ed. by E. Peters. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1980. P. 178.

49. Pope Lucius III: The Decretal Ad Abolendum, 1184 // Heresy and Authority in Medieval Europe: Documents in Translation / Ed. by E. Peters. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1980. P. 170–173.

50. The Eleventh General Council (Third Lateran Council, 1179) // Disciplinary Decrees of the General Councils: Text, Translation and Commentary / Rev. by H.J. Schroeder. St. Louis; London: B. Herder Book Co, 1937. P. 214–235.

51. The Etablissements de Saint Louis: Thirteenth-Century Law Texts from Tours, Orléans, and Paris / Transl. and with an introd. by F.R.P. Akehurst. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996. XLIV, 177 p.

52. The Liber Augustalis or Constitutions of Melfi Promulgated by the Emperor Frederick II for the Kingdom of Sicily in 1231 / Transl., introd. and notes by J.M. Powell. Syracuse: Syracuse University Press, 1971. XXXVIII, 163 p.

53. The Peace of Constance, January 25, 1183 // A Source Book for Mediaeval History: Selected Documents Illustrating the History of Europe in the Middle Age / Ed. by O.J. Thatcher, E.H. McNeal. New York: Charles Scribner's Sons, 1905. P. 199–202.

54. The Schwabenspiegel: Concerning Heretics, 1235 // Heresy and Authority in Medieval Europe: Documents in Translation / Ed. by E. Peters. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1980. P. 209–210.

55. The Tenth General Council (Second Lateran Council, 1139) // Disciplinary Decrees of the General Councils: Text, Translation and Commentary / Rev. by H.J. Schroeder. St. Louis; London: B. Herder Book Co, 1937. P. 195–213.

Методическая литература

1. Абрамов А.В., Абрамова Ю.А., Пьянов А.В. Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс: методическое пособие к учебнику М.В. Пономарева, А.В. Абрамова, С.В. Тырина. М.: Дрофа, 2016. 237 с.

2. Ведюшкин В.А., Ведюшкина И.В. Всеобщая история. Средние века. Поурочные методические рекомендации. 6 класс: пособие для учителей общеобразоват. организаций. 2-е изд. М.: Просвещение, 2017. 345 с.

3. Игнатов А.В. Всеобщая история. История Средних веков. Методические рекомендации. 6 класс (к учебнику В.А. Ведюшкина): пособие для учителей общеобразоват. учреждений / Рос. акад. наук, Рос. акад. образования, изд-во «Просвещение». М.: Просвещение, 2012. 128 с.

4. Игнатов А.В. Всеобщая история. История Средних веков. Методические рекомендации. 6 класс (к учебнику Е.В. Агибаловой, Г.М. Донского): пособие для учителей общеобразоват. организаций. 2-е изд. М.: Просвещение, 2014. 112 с.

5. Искровская Л.В., Варганова О.И., Гурьянова Ю.В. История Средних веков: 6 класс: методическое пособие. М.: Вентана-Граф, 2018. 384 с.

6. Стрелова О.Ю. Всеобщая история. История Средних веков. 6 кл.: методическое пособие к учебнику А.В. Абрамова, В.А. Рогожкина, С.В. Тырина. М.: Дрофа, 2018. 239 с.

Научная литература

1. Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: латинский Запад и православный Восток. М.: Ладомир, 2007. 304 с.

2. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. Н.Р. Никоновой. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа Инфра-М – Норма, 1998. 624 с.

3. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. В.А. Мильчиной; предисл. Ж. Ле Гоффа; науч. ред. и послесл. А.Я. Гуревича. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.

4. Варьяш И.И. Власть короля и королевское право в «Семи Партидах» Альфонсо Мудрого // Исторический вестник. 2015. Т. 12. № 159. С. 122–149.
5. Варьяш И.И. Каталония и Арагон в XI–XIV вв. // История Испании. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. М.: Индрик, 2012. С. 261–294.
6. Вишневский А.А. Каноническое право. Древняя Церковь и Западная традиция. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. 276 с.
7. Воскобойников О.С. Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 559 с.
8. Гараджа В.И. Социология религии: Учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. М.: Инфра-М, 2007. 348 с.
9. Горобец А.С. Антиеретическое законодательство как фактор взаимоотношений церковной и светской властей в Западной Европе XII–XIII вв. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XLI всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (10–12 ноября 2021 г.): сборник статей / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022. С. 256–265.
10. Горобец А.С. Антиеретическое законодательство как элемент преемственности в праве средневековой Испании // История мировых цивилизаций. Религиозные теории и практики в социально-политических и культурных процессах: материалы XV Всероссийской научной конференции. Красноярск, 30 ноября 2020 г. / Отв. ред А.Г. Канаев; ред. кол. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2021. С. 5–9.
11. Горобец А.С. Образ Симона IV де Монфора в воспоминаниях современников // История мировых цивилизаций. Общественные процессы в антропологическом измерении: материалы XIV Всероссийской научной конференции с международным участием. Красноярск, 20 ноября 2019 г. / Отв. ред А.Г. Канаев; ред. кол. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2019. С. 117–121.

12. Горобец А.С. Реакция городов Ломбардии на антиеретические законы папства во второй половине XIII в. // История мировых цивилизаций. Город как историко-культурный феномен: материалы XVI Всероссийской научной конференции. Красноярск, 25 ноября 2021 г. / Отв. ред А.Г. Канаев; ред. кол. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2022. С. 20–25.

13. Грацианский М.В. *Haeres Petri sive vicarius Petri*: Обоснование исключительных властных прерогатив римского епископа папой Львом Великим // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2019. № 89. С. 27–48.

14. Грацианский М.В. *Res divinae* и *res saeculares* в восприятии папы Льва Великого. К предыстории возникновения «геласианской теории» // Вестник древней истории. 2020. Т. 80. № 4. С. 1103–1114.

15. Дунаев А.Л. Булла «*Ad extirpanda*» 1252 года и ее роль в борьбе католической церкви с еретиками // Средние века. 2010. № 71 (1–2). С. 197–211.

16. Дунаев А.Л. Основные этапы идеологической борьбы с ересью в XII–XIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 1. С. 76–91.

17. Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.

18. Исая М.-С. Империя Каролингов: возрождение Рима? // Империи Средневековья: От Каролингов до Чингизидов / Под ред. С. Гугенхейма; пер. с фр. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 25–51.

19. Канаев А.Г. К вопросу о полиюридизме в средневековом праве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4 (8). С. 114–117.

20. Канторович Э. Два тела короля. Исследования по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серegiной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
21. Канторович Э. Император Фридрих II / Пер. с нем. Л.В. Ланника и И.П. Стебловой, коммент. и послесл. Л.В. Ланника. СПб.: Владимир Даль, 2022. 779 с.
22. Корсунский А.Р. Религиозный протест в эпоху раннего Средневековья в Западной Европе // Средние века. 1981. № 44. С. 48–75.
23. Ланглуа Ш.В. Инквизиция / 2-е изд. М.: Вузовская книга, 2010. 74 с.
24. Лапшин А.Г. Становление антиеретического законодательства в Европе XII–XIII вв. // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 4 (21). С. 203–209.
25. Ли Г.Ч. История инквизиции в Средние века: в 2 т. / Под ред. С.Г. Лозинского; пер. с фр. А.В. Башкирова. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1911. Т. 1. XVIII, 559 с.
26. Льоренте Х.А. Критическая история испанской инквизиции. М.: Соцэкгиз, 1936. Т. 1. XXIV, 731 с.
27. Люшер А. Иннокентий III и альбигойский крестовый поход / Пер. с фр. М.Ю. Некрасовой. СПб.: Евразия, 2017. 284 с.
28. Максимович К.А. Влияние канонического права Единой Церкви на церковное законодательство Юстиниана (на материале новеллы СХХIII) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. Т. 1. № 18. С. 118–122.
29. Малинин Ю.П. «Королевская троица» во Франции XIV–XV вв. // Одиссей. Человек в истории. 1995. М.: Наука, 1995. С. 20–36.
30. Малинин Ю.П. Людовик Святой // Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофранц. Г.Ф. Цыбулько, под ред. А.Ю. Карачинского, науч. ред. пер. Ю.П. Малинин. СПб.: Евразия, 2018. С. 229–243.

31. Мамонтов А.Л. Отношение Августина Блаженного к законам против донатистов (по материалам переписки) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. № 20-2. С. 691–699.
32. Марей А.В. Король, Папа и Император: проблема легитимности светской власти в «Семи Партидах» и глоссе Грегорио Лопеса // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 2. С. 347–364.
33. Меланченко И.В. Правовое положение еретиков в поздней Римской империи (на материале конституций Кодекса Феодосия) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2 (6). С. 51–58.
34. Минеева Т.Г., Романовская В.Б. Парламентский статут о наказании еретиков в средневековой Англии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 2. С. 253–257.
35. Ольденбург З.С. История альбигойских крестовых походов / Пер. с фр. О.И. Егоровой. СПб.: Алетейя, 2017. 404 с.
36. Опль Ф. Фридрих Барбаросса / Пер. с нем. И.О. Ермаченко, М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2010. 512 с.
37. Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. М.: Издательство АСТ, 2000. 896 с.
38. Пако М. Фридрих Барбаросса / Пер. с фр. Т.Н. Редичкиной. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 320 с.
39. Паравичини Бальяни А. Тело папы / Пер. О. Воскобойникова; послесл. К. Мефтахудинова, Ю. Сапрыкина-мл. М.: Издательство АСТ, 2021. 432 с.
40. Перну Р. Хильдегарда Бингенская. М.: Издательство Францисканцев, 2014. 134 с.
41. Рассел Дж.Б. Колдовство и ведьмы в Средние века / Пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 2001. 480 с.

42. Рожковский В.Б. Византийская теория симфонии светской и духовной властей и ее историческое значение // *Философия права*. 2019. № 4 (91). С. 175–181.

43. Семиколенных М.В. Учение о двух мечях и его интерпретация у Оттона Фрейзингенского // *История мировых цивилизаций: человек во власти и перед лицом власти. Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием*. Красноярск, 15 мая 2009 г. / Отв. ред. Д.В. Григорьев. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2009. С. 70–82.

44. Сивери Ж. Филипп Август / Пер. с фр. М.В. Степанова. СПб.; М.: Евразия: ИД Клио, 2018. 350 с.

45. Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: очерк по истории церкви и школы в Западной Европе / Предисл. А.В. Сазанова, Т.Г. Бородинской; Примеч. А.В. Сазанова. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2015. 398 с.

46. Суини М. Лекции по средневековой философии. Выпуск 2. Средневековая политическая философия Запада. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. 320 с.

47. Тогоева О.И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия / 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство АСТ, 2022. 400 с.

48. Тогоева О.И. Короли и ведьмы. Колдовство в политической культуре Западной Европы XII–XVII вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 328 с.

49. Тогоева О.И. Реальность или иллюзия? Теория и практика ранних ведовских процессов в Западной Европе (XIII–XV века) // *In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Выпуск 2*. М.: Индрик, 2013. С. 57–86.

50. Уикхем К. Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации / Пер. с англ. М. Десятовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 536 с.

51. Устинова А.А. IV Латеранский собор 1215 года и программа борьбы с альбигойской ересью // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 45–50.

52. Хэгерманн Д. Карл Великий / Пер. с нем. В.П. Котелкина. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. 684 с.

53. Шафф Ф. История христианской церкви. Том III. Никейское и посленикоевское христианство. От Константина Великого до Григория Великого (311–590 г. по Р. Х.) / Пер. О.А. Рыбаковой. СПб.: Библия для всех, 2011. 688 с.

54. Шафф Ф. История христианской церкви. Том IV. Средневековое христианство. От Григория I до Григория VII (590–1073 г. по Р. Х.) / Пер. О.А. Рыбаковой. СПб.: Библия для всех, 2013. 511 с.

55. Шафф Ф. История христианской церкви. Том V. Средневековое христианство. От Григория VII до Бонифация VIII (1049–1294 г. по Р. Х.) / Пер. О.А. Рыбаковой. СПб.: Библия для всех, 2015. 574 с.

56. Шмаков Р.В. Доктринальное обоснование «надгосударственности» власти Римско-католической церкви в IX–XIV вв. // История государства и права. 2017. № 14. С. 9–14.

57. Штокмар В.В. История Англии в Средние века. СПб.: Алетейя, 2005. 203 с.

58. Bautier R.H. L'hérésie d'Orléans et le mouvement intellectuel au début du XIe siècle: documents et hypothèses // R.H. Bautier. Recherches sur l'histoire de la France médiévale: des Mérovingiens aux premiers Capétiens. Hampshire: Variorum; Brookfield: Gower Publishing, 1991. P. 63–88.

59. Bévenot M. The Inquisition and Its Antecedents, II // Heythrop Journal. 1966. № 7 (4). P. 381–393.

60. Dean T. Civic religion // The Towns of Italy in the Later Middle Ages / Transl. and annot. by T. Dean. Manchester; New York: Manchester University Press, 2000. X, 252 p.

61. Diehl P.D. Henry VI, Heresy and the Extension of Imperial Power in Italy // *Plenitude of Power. The Doctrines and Exercise of Authority in the Middle Ages: Essays in Memory of Robert Louis Benson* / Ed. by R.C. Figueira. Farnham: Ashgate, 2006. P. 37–56.

62. Forrest I. *The Detection of Heresy in Late Medieval England*. Oxford: Clarendon Press, 2005. 277 p.

63. Jenkins E.E. *The Mediterranean World of Alfonso II and Peter II of Aragon (1162–1213)*. New York: Palgrave Macmillan, 2012. XIV, 263 p.

64. Head T. *Naming Names: The Nomenclature of Heresy in the Early Eleventh Century // History in the Comic Mode: Medieval Communities and the Matter of Person* / Ed. by R. Fulton and B.W. Holsinger. New York: Columbia University Press, 2007. P. 91–100.

65. Hefele C.J. von. *Histoire des Conciles d'apres les documents originaux*. Paris: Letouzey et Ané, 1912–1913. Vol. 5. 1778 p.

66. Kras P. *The System of the Inquisition in Medieval Europe* / Transl. from Polish by M. Panz-Sochacka. Berlin: Peter Lang, 2020. 521 p.

67. Lambert M. *Medieval Heresy. Popular Movements from the Gregorian Reform to the Reformation*. Oxford; Cambridge: Blackwell Publishers, 1992. XVI, 449 p.

68. Moore R.I. *The Formation of a Persecuting Society: Authority and Deviance in Western Europe, 950–1250*. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing, 2007. XII, 222 p.

69. Moore R.I. *The War Against Heresy in Medieval Europe // The Creighton Century, 1907–2007* / Ed. by D. Bates, J. Wallis and J. Winters. London: Institute of Historical Research, 2020. P. 291–316.

70. Moore R.I. *The War on Heresy*. Cambridge: Harvard University Press, 2012. XVI, 378 p.

71. Roach A.P., Angelovska-Panova M. *Punishment of Heretics: Comparisons and Contrasts Between Western and Eastern Christianity in the Middle Ages // Journal of History*. 2012. Vol. 47. № 1. P. 145–171.

72. Runciman S. *The Sicilian Vespers. A History of the Mediterranean World in the Later Thirteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. XIII, 356 p.

73. Rust L.D. *Bulas Inquisitoriais: Ad Abolendam (1184) e Vergentis in Senium (1199)* // *Revista de História*. 2012. № 166. P. 129–161.

74. Smith D.J. *Crusade, Heresy and Inquisition in the Lands of the Crown of Aragon (c. 1167–1276)*. Leiden; Boston: Brill, 2010. XII, 249 p.

75. Taviani-Carozzi H. *Une histoire «édifiante»: l'hérésie à Orléans en 1022* // *Faire l'événement au Moyen Âge / Dir. de C. Carozzi, H. Taviani-Carozzi*. Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 2007. P. 275–298.

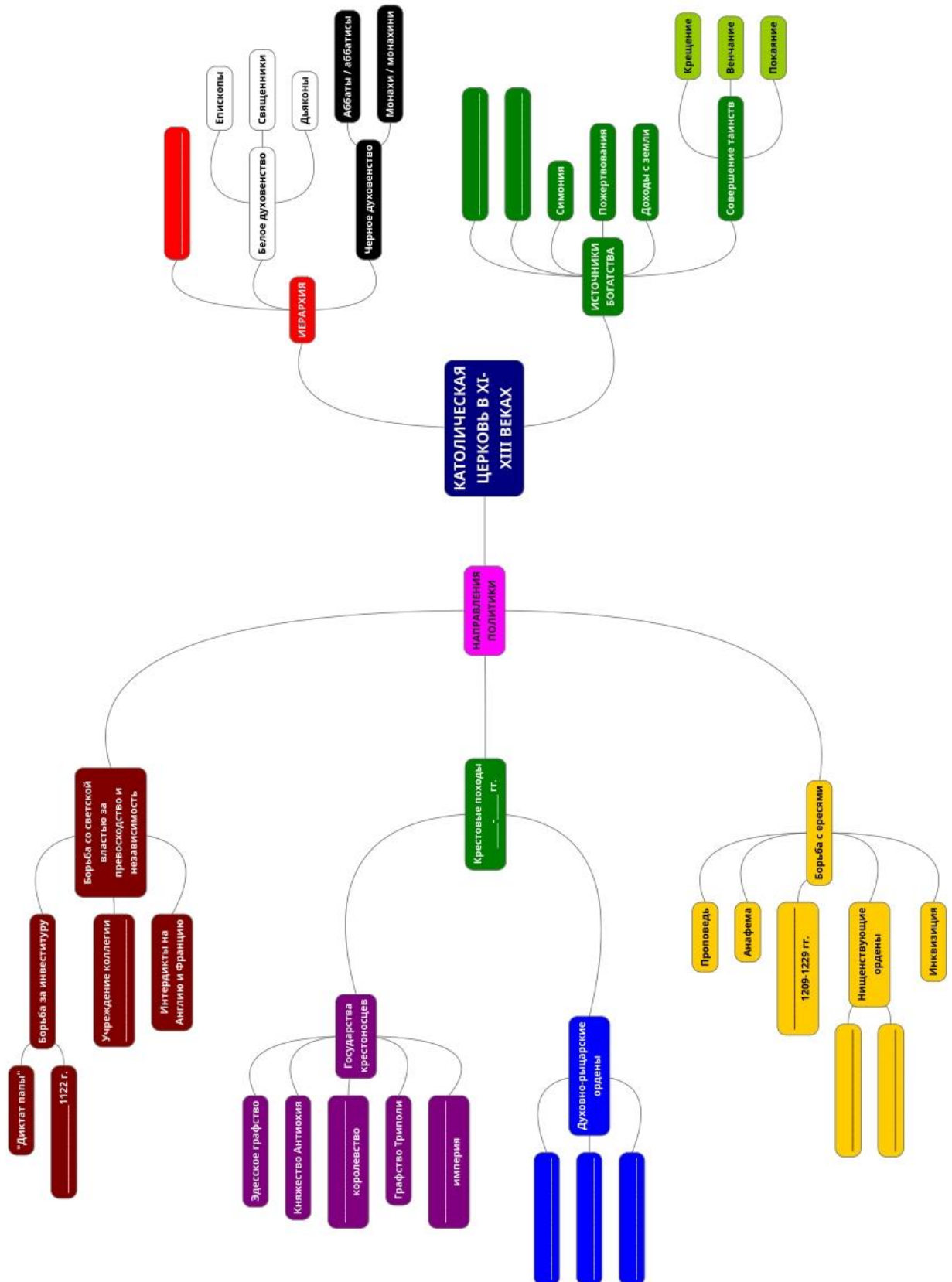
76. Vicaire M.H. *Histoire de saint Dominique*. Paris: Les Éditions du Cerf, 2004. 764 p.

77. Whalen B.E. *The Two Powers: the Papacy, the Empire, and the Struggle for Sovereignty in the Thirteenth Century*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. 312 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

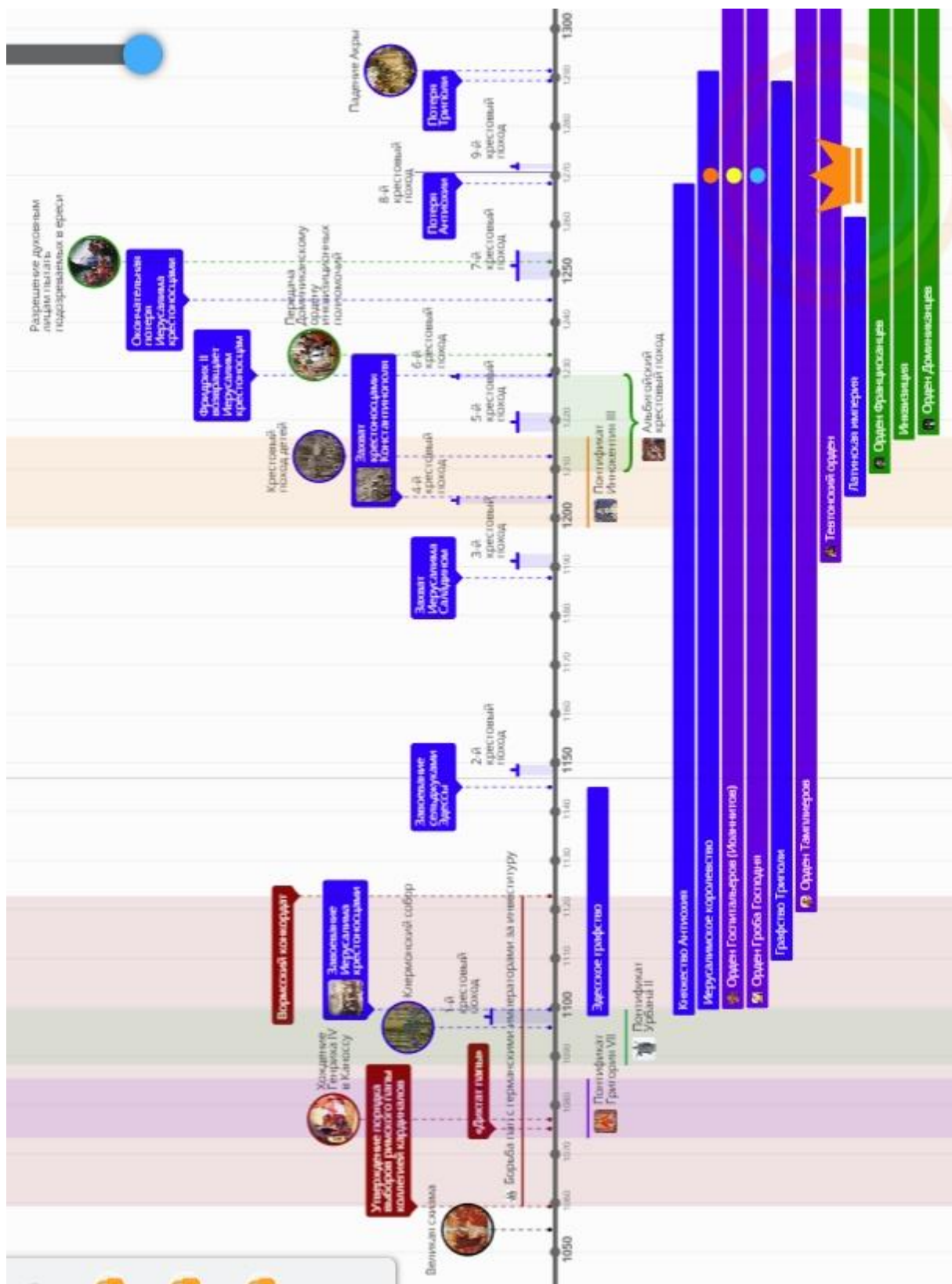
Приложение А

Интеллект-карта уроков по теме «Католическая церковь в XI–XIII вв.»

Приложение Б

Интерактивная лента времени «Католическая церковь в XI–XIII вв.»

URL: <https://time.graphics/ru/line/448064>

Приложение В

Сообщение папы Иннокентия III о состоянии Церкви в Южной Франции (извлечение):

«...Богатым они [епископы] отпускают грехи, а бедных клеймят... Занимаются накопительством, поручают богослужения неграмотным и недостойным священникам... [Архиепископ Нарбоннский] не ведает иного Бога, кроме денег, у него кошелек вместо сердца... Когда освобождается должность священнослужителя, он не торопится с объявлением имени преемника: ждет барыша... В его диоцезе монахи и каноники занимаются ростовщичеством²⁴⁶, промышляют адвокатством, жонглерством и врачеванием».

Источник: Ольденбург З.С. История альбигойских крестовых походов / Пер. с фр. О.И. Егоровой. СПб.: Алетейя, 2017. С. 52.

²⁴⁶ Ростовщичество – предоставление денег в долг с условием вернуть их с высоким процентом. Церковь осуждала ростовщичество и причисляла это занятие к греховным.

Приложение Г

1. Монах Гильом Тудельский о разграблении Безье в 1209 г. (прозаический пересказ):

«Ворвавшиеся в город первыми, наемники-слуги крестоносцев беспощадно убивали каждого встречного, грабили дома жителей и предавались звериному веселью. Каждый вор мог бы стать настоящим богачом, если бы удержал все награбленное. Однако ночью господа-рыцари избili этих невеж и выгнали их всех на улицы, оставив ни с чем, а в домах разместили своих лошадей и фураж²⁴⁷. Что поделать, кто сильнее – тот и прав. Но озлобленная чернь, оставшаяся без гроша, обложила здания соломой и сожгла весь город. Безье был настоящим раем на земле – так говорили все, кто там бывал хоть раз. Не счесть богатств, которые смогли бы унести с собой крестоносцы, если бы этот босой сброд не спалил город дотла».

Источник: Песнь о крестовом походе против альбигойцев / Издание подгот. И.О. Белавин, Е.В. Морозова. М.: Ладомир: Наука, 2011. С. 22.

2. Монах Цезарий Гейстербахский о взятии крестоносцами Безье:

«Крестоносцы спросили аббата: "Господин, как нам различить верующих и еретиков?" Аббат боялся, что многие еретики в страхе перед смертью притворятся католиками и после ухода войска вернутся к своей ереси, и, как говорят, ответил: "Убивайте всех, Господь узнает своих!" И так бесчисленное количество людей в этом городе было убито».

Источник: Caesarius of Heisterbach. The Dialogue on Miracles / Trans. H. von E. Scott and C.C. Swinton Bland, with an Introduction by G.G. Coulton. New York: Harcourt, Brace and Company, 1929. Vol. 1. P. 345–346.

3. Монах Петр Сернейский о взятии крепости Лавор войском Симона де Монфора в 1211 г.:

²⁴⁷ Фураж – корм для лошадей.

«Из крепости Лавор вывели сеньора Аймерика и восемьдесят других рыцарей. Благородный граф де Монфор предложил их всех повесить; но когда повесили Аймерика, самого тяжелого из всех, виселица обрушилась, так как из-за спешки ее плохо врыли в землю. Граф, не желая тратить время на ее восстановление, приказал перебить мечами оставшихся пленников. Рыцари набросились на них с превеликим усердием и всех перебили в мгновение ока. Владелицу этого замка, сестру Аймерика, которая была закоренелой еретичкой, живой бросили в колодец, а граф приказал завалить ее сверху камнями. Несметное число еретиков наши паломники с великой радостью предали огню».

Источник: Pierre de Vaulx-Cernay. Histoire de l'hérésie des Albigeois et de la sainte guerre entreprise contre eux (de l'an 1203 à l'an 1218) // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France depuis la fondation de la monarchie française jusqu'au 13e siècle / Par M. Guizot. Paris, 1824. Vol. 14. P. 70.

4. Монах Гильом Тудельский об участии жителей Лавора (прозаический пересказ):

«Лавор – одна из самых неприступных крепостей, которая находилась во владении самой лучшей из всех женщин... Ее брат Аймерик, командир гарнизона, сдал крепость французам, поскольку был уверен, что ввиду знатности своего рода и ценности своей жизни они не убьют ни его самого, ни его людей. Однако я слышал от одного честного монаха, что французы все же повесили Аймерика как безвольного раба. Всех горожан вместе с их женами, а было их 400 человек, предали огню. Хозяйку крепости, лучшую из дам, творившую добрые дела и всегда помогавшую нуждающимся, рыцари живьем засыпали в колодец, тем самым совершив страшнейший грех... Уверен, что не было ни единой причины так жестоко поступать с этой женщиной... Но раз уж еретики не хотят подчиниться христианам и отречься от своих заблуждений, то пусть не ждут пощады ни от людей, ни от Бога».

Источник: Песнь о крестовом походе против альбигойцев / Издание подгот. И.О. Белавин, Е.В. Морозова. М.: Ладомир: Наука, 2011. С. 31.

Приложение Д

Тест по теме «Могущество папской власти. Католическая церковь и еретики»

Время выполнения: 7 мин.

Система оценивания:

за каждое правильное задание № 1–5 – 1 балл

за правильное задание №6 – 3 балла

Максимальный балл за работу: 8

Оценки:

7–8 баллов – «5»

5–6 баллов – «4»

3–4 балла – «3»

≤2 балла – «2»

1. Еретики, распространившиеся в Европе в XI–XIII вв., получили название:
 - а) францисканцы
 - б) альбигойцы
 - в) крестоносцы
 - г) доминиканцы

2. «Великой схизмой» называют:
 - а) понтификат Иннокентия III
 - б) крестовый поход против еретиков Южной Франции
 - в) создание инквизиции
 - г) раскол христианской церкви на католическую и православную

3. Период противоборства римских пап и германских императоров за право назначать епископов и аббатов назывался борьбой за
 - а) инквизицию
 - б) индульгенцию
 - в) интердикт
 - г) инвеституру

4. Военным лидером крестового похода против еретиков Южной Франции был:

- а) Григорий VII
- б) Симон IV де Монфор
- в) Иннокентий III
- г) Генрих IV

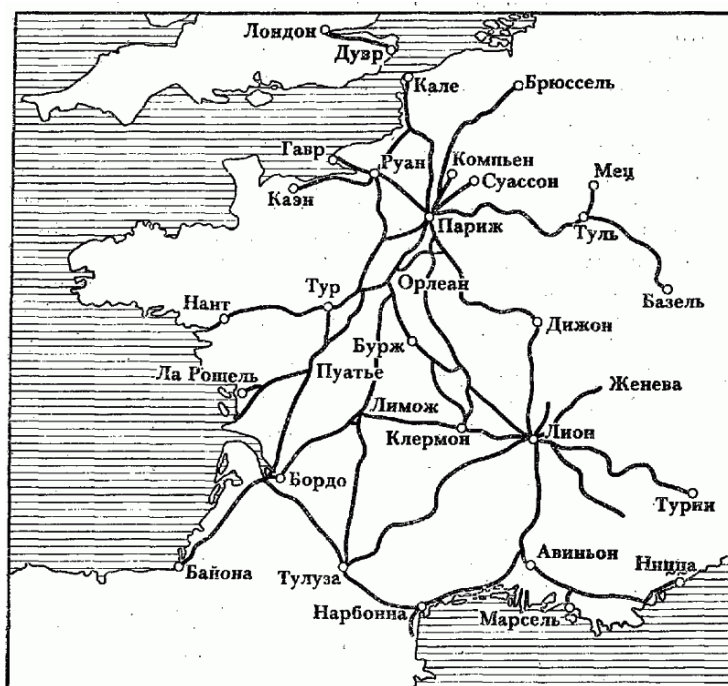
5. Какие из утверждений верны?

А. Инквизиторам с самого начала разрешалось не только преследовать и судить еретиков, но и лично осуществлять их наказание.

Б. Альбигойская ересь не нашла широкой поддержки среди населения, поскольку сами еретики не соблюдали христианских заповедей и вели недостойный образ жизни.

- а) верно только А
- б) верно только Б
- в) верны и А и Б
- г) оба суждения не верны

6. Ознакомьтесь с картой и ответьте на вопросы:

1) Отметьте на карте место, с которого началось масштабное движение за отделение Церкви от светской власти?

2) Кто из римских пап был связан с этим местом?

3) Как называлось правило, согласно которому запрещалось вести сражения в особые для Церкви дни, а также нападать на паломников, священников, женщин и крестьян?